

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского
Институт Филологии и журналистики
Кафедра романской филологии

В.Т. Клоков

РАЗВИТИЕ
ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
В РЕГИОНАХ ФРАНЦИИ

Учебное пособие
к курсу «История французского языка»

Саратов
2013

Содержание

Языковая ситуация в современной Франции	3
Развитие коммуникативной обстановки	3
Наступление на диалекты	6
Наступление на региональные языки	8
Французские региолекты	12
Теория региолектной вариативности	12
Основные типы регионализмов.....	21
Региональные диалектизмы	22
Адстратные регионализмы	24
Региональные «архаизмы»	25
Региональные неологизмы	25
Отношения между региональной и общепроанцузской лексикой	26
Региональные языки.....	29
Понятие «региональный язык».....	29
Окситанский	32
Франко-провансальский.....	43
Каталанский.....	47
Корсиканский	52
Фламандский.....	56
Бретонский.....	61
Баскский	66
Эльзасский.....	69
Библиографический список	75

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Развитие коммуникативной обстановки

Начиная с XIX в. в языковой жизни Франции, в ее коммуникативной и языковой ситуациях произошли важные изменения. Развивались новые формы общения и вымирали старые, традиционные.

Большое влияние на коммуникативную ситуацию оказали события, последовавшие непосредственно после Французской революции. После того как аристократия была оттеснена крупной буржуазией, большую свободу и общественную значимость обрели средние и низшие слои общества: предприниматели, интеллигенты, крестьяне, рабочие, ремесленники, служащие и обслуживающий персонал. Получив доступ к официальному языку, они приняли активное участие в демократизации страны. Со своей стороны, государство стало навязывать гражданам новые социальные порядки и ограничивать инициативу граждан.

Политика жесткого управления социальными процессами коснулась и коммуникативных отношений. В XIX в. развитие мелкого бизнеса привело к появлению огромного количества официальных документов и заставило многих французов читать и самим составлять разного рода заявления, требования и отчеты. Использование пишущих машинок, множительной техники, широкое распространение печатной литературы (книг, газет, журналов), в дальнейшем посещение французами кинотеатров, просмотр телевизионных передач и т.п. привело к вытеснению на периферию традиционных форм общения в семейном кругу, в малых профессиональных группах, среди односельчан и т.д. Постепенно культура устной традиции стала вытесняться письменными формами передачи информации. Эти процессы все дальше оттесняли неинституциональные средства общения: диалекты, профессиональные языки, просторечие, арго.

В XX в. путем публикации и прямой трансляции выступлений политических деятелей, чтения дикторами политических новостей и проч. газеты, радио и телевидение приобщали французов к официальному языку. К этому прибавлялось изучение детьми в школе единого литературно-письменного языка. Все это способствовало языковой

унификации граждан на основе официального литературно-письменного французского языка.

Несмотря на это, в стране параллельно продолжали развиваться традиционные и новые народные формы общения. Появились грам- пластинки и магнитофон, с помощью которых распространялись на- родные, классические и современные песни, скетчи, радио-спектакли и проч. Чрезвычайно важную роль стал играть телефон, развивший фонетические, лексические и грамматические особенности речевого поведения. Разговорный французский язык распространялся через ли- тературу, театр и кино. Авторы литературных произведений, театраль- ных пьес и киносценариев все чаще избирали живой стиль общения персонажей, включали в их диалоги фамильярный и даже простореч- ный язык. В авторских повествованиях писатели и журналисты часто обращались к разговорному стилю речи. Все эти области коммуника- ции увеличивали разнообразие разговорного неофициального обще- ния.

Диверсификация коснулась и публичной сферы коммуникации. В ней стали вырабатываться особые лексические и стилистические приемы, появлялись заимствования из других языков, перестраивались системы профессиональных жаргонов.

Все свидетельствовало о том, что в разных коммуникативных си- туациях французский язык развивался в двух противоположных ипо- стасях. С одной стороны, выкристаллизовывался официальный стиль, с другой, развивалась свобода разговорной речи. Эти две тенденции соответствовали развитию двух направлений общественной жизни: ин- ституциализации в отношениях между государством и обществом и демократизации внутри общества.

Все то, что таким образом производилось в речи, в полной мере принадлежало французскому языку и соответствовало его системе. Однако, отдельные речевые элементы могли считаться недопустимы- ми с точки зрения выдержанного стиля; другие элементы, напротив – недопустимыми с точки зрения фамильярного языка. Факты допусти- мости или нежелательности той или иной формы выражения в опре- деленных условиях общения обсуждались в обществе и в нем выраба- тывались компромиссы в правилах комфортного общения и речевого этикета. Такие эстетические и психологические факты речевого пове- дения особо влияли на развитие общей нормы французского языка.

На протяжении XX в. общественно-политические процессы изме- няли не только коммуникативную, но и языковую ситуацию в стране. Ее основной характеристикой стало абсолютное доминирование фран- цузского языка над всеми иными формами речи. Несмотря на то что в

конце XX в. в школьное образование был допущен билингвизм и учащиеся получили право обучаться не только на французском, но и на региональных языках, главное состоит в том, что ни один из региональных языков сегодня не в состоянии конкурировать с французским языком и полноценно заменить его. Эту ситуацию Л.-Ж. Кальве называет многоязычной диглоссией с абсолютным доминированием одного языка над другими [См.: *Calvet 1987*, 51 – 52]. Сегодня во Франции существует около 30 традиционных национальных языков: корсиканцев, бретонцев, каталонцев и др. и крупных национальных диаспор арабов, армян, поляков и т.д. В то же время все граждане страны владеют одним официальным французским языком, при этом для большинства из них он является родным, что позволяет считать французский язык Франции национальным. С этой точки зрения при высоком уровне многоязычия Франция в сознании людей предстает как одноязычная страна.

Доминирование французского языка над другими языками во Франции проявляется в следующих областях:

- в демографической: во Франции французским языком пользуется подавляющее большинство населения;
- в национально-культурной: во Франции французский язык является национальным языком и на нем выражаются основные общенациональные ценности;
- в государственной: французский язык во Франции является единственным официальным языком.

Наступление на диалекты

Во времена Французской революции региональные языки и диалекты не признавались, и власти придерживались принципа, выраженного формулой *La langue doit être une comme République* (Наш язык должен быть един как сама Республика). В решениях Конвента говорилось, что языковая диверсификация продлевает инфантильность мысли и сохраняет предрассудки. В результате действия этих принципов на протяжении XIX столетия диалекты романской речи во Франции были практически уничтожены.

В XX в. развитие производства, транспорта и торговли, а также участие народа в многочисленных войнах, привели к тому, что обмен информацией во Франции значительно увеличился. На этом фоне сохранявшиеся диалекты стали исчезать быстрее, чем раньше. В 1930-х годах А. Доза так описывал этот процесс:

В XVIII в. дворянство и буржуазия приобщаются к французскому языку; улучшение средств сообщения, путешествия, поездки по Франции, влияние (еще слабое) «маленьких школ» способствуют постепенному распространению знания французского языка в народе. Однако в 1790 г., по сообщению Грегуара, целых шесть миллионов французов (из 25 миллионов) не знают французского языка и приблизительно столько же не могут вести связанный разговор (в это число входили 4 – 5 миллионов нефранцузов).

XIX век был решающим: воинская повинность, введенная Революцией, развитие образования (обязательного с 1886 г.), распространение книг и особенно газет, эмиграция (в конечном счете, временная) крестьян в города, особенно сильная на юге, развитие транспорта, местной промышленности и туризм – все это способствовало быстрому распространению французского языка. В настоящее время говоры начинают исчезать из больших городов, сначала из северных (Клермон, Лимож). В Бордо французский язык распространился раньше, чем в Марселе, в Тулузе – позднее [Доза 1956, 434 – 435].

Стоит отметить то понимание, которое в начале XX в. складывалось у французов в отношении существовавших в то время языковых форм. Нормальной формой речи среди них считалась только французская. Диалектная речь, и даже речь на региональных языках квалифицировалась как говор (*patois*), т.е. как неправильная, провинциальная, деревенская речь неграмотных людей (тем не менее, у французов было ясное представление о том, что, например, бретонцы и гасконцы пользуются не какими-то диалектами, а собственно языками). Более того, иногда французами как патуазная рассматривалась сама французская речь, если она отклонялась от парижской.

Исторически такое отношение к разным языкам страны у французов стало складываться начиная с XVII в., но особенно ярко оно проявилось после Первой мировой войны, когда у французских граждан стало обостряться чувство национального самосознания и понимание того, что национальное сплочение должно осуществляться на основе единого официально признанного языка с высоким литературно-письменным качеством. Этот процесс в значительной степени отличался от того, что имел место в эпоху классического французского языка. В

XVII – XVIII вв. цель состояла в том, чтобы создать стандарт для элиты общества. В XIX – XX вв. задача изменилась. Стало необходимым распространить этот стандарт среди всего населения. Если в XVII – XVIII вв. диалекты и региональные языки игнорировались, то в XIX – XX вв. их фактически запретили.

Целенаправленное упразднение диалектов длилось на протяжении XIX – XX вв. Особенно упорно упорное сопротивление диалекты оказали среди представителей старшего поколения и в отдаленных уголках сельской Франции.

В 1927 г. А. Доза в книге *Les patois* писал, что многие диалекты, относящиеся к группе *langue d'oïl*, исчезли, а оставшиеся были на грани вымирания. Эти диалекты из-за растущей мобильности населения сильно влияли друг на друга и перемешивались. Более того, они стали диверсифицироваться внутри себя, раскалываться на субдиалекты и терять свое единство, рассыпаясь на мелкие осколки. Диалекты исчезали группами, и только немногие продолжали сохраняться. К концу XX в. северные диалекты уже полностью исчезли вокруг Парижа и остаются сегодня только на удаленных территориях страны – в Пикардии и Лотарингии.

Южные диалекты группы *langue d'oc*, располагающиеся на социокультурной периферии, сохранялись значительно дольше, чем северные, хотя в начале XX в. серьезная болезнь затронула и их, особенно в северной зоне их распространения (в долине реки Роны и в крупных городах).

На юге страны в 1940-е годы мужчины пожилого возраста предпочитали говорить по-окситански, но женщины, особенно молодые, уже тогда почти не говорили на этом языке и пользовались французским. Их дети также редко обращались к языку предков, даже если и понимали его.

В 1959 г. в г. Ранрупте люди в возрасте 20 – 40 лет понимали вогезский диалект, но пользовались им только в общении с пожилыми людьми. Дети же в своей речи использовали только отдельные диалектные выражения.

К. Дезира и Т. Орде приводят следующие данные о витальности романских диалектов в 1970-х годах:

- число носителей диалектов *langue d'oïl* приближалось к нулю,
- число тех, кто в 1970-х годах пользовался диалектами *langue d'oc* или понимал их, приближалось к 7 млн. [*Désirat, Hordé 1976, 15 – 16*].

В начале XXI в. северные диалекты практически исчезли, но на Юге Франции окситанская речь сохраняется и, более того, можно заметить признаки ее возрождения. В то же время замещение диалектов

всеобщим официальным языком приводило к регионализации французской речи, к внесению в нее большого количества заимствованных элементов из диалектов и региональных языков страны.

Наступление на региональные языки

В XIX в. французский язык стал активно проникать в нефранцузские и нероманские области Франции. В результате этого в первой трети XX в. почти все баски и фламандцы стали двуязычными, особенно в городах, где французский язык начал преобладать над местными языками. Но в Эльзасе французский язык укреплялся медленно. В связи с германской аннексией в 1870 г. его распространение здесь задержалось почти на полвека. Помимо местного германского диалекта, население Эльзаса в то время говорило по-немецки, а в городах немецкие иммигранты также пользовались немецким языком, но не знали эльзасского диалекта. Только с 1918 г. в среде городской обучающейся молодежи Эльзаса стал распространяться французский язык.

Корсика была присоединена к Франции в 1768 г. В то время жители острова говорили на тосканском диалекте итальянского языка. Но уже вскоре здесь было введено обучение на французском языке, и к середине XX в. многие корсиканцы стали двуязычными.

А. Доза приводит следующую статистику, относящуюся к распространению региональных языков в 20-ые годы XX столетия. Приблизительно во Франции в то время лиц, говорящих на баскском языке, было 100 тыс., на бретонском – 1 млн., на фламандском – 200 тыс., на эльзасском – 1,5 млн., на корсиканском – 290 тыс. [См. *Доза 1956*, 435].

Со своей стороны, К. Дезира и Т. Орде приводят следующие цифры, касающиеся количества носителей региональных языков во Франции 1970-х годов:

- эльзасский диалект германской речи – около 1 млн. 300 тыс.,
- баскский – менее 100 тыс.,
- фламандский – практически исчез из обращения,
- бретонский – менее 800 тыс.

Авторы, однако, замечают, что приводимые ими цифры представляются в значительной степени оптимистичными, так как касаются они не только тех, кто активно пользуется данными языками, но и только понимает их. При этом К. Дезира и Т. Орде справедливо отмечают продолжающееся сокращение числа лиц, пользующихся региональными языками [См. *Désirat, Hordé 1976*, 15].

Долгое время региональные языки во Франции были только предметом исследования специалистов-филологов – лингвистов и литераторов. Французские власти не уделяли им должного внимания, и государственная политика сводилась к их полному игнорированию, лишению поддержки и забвению.

Некоторая часть носителей этих языков и соответствующих им культур проявляли желание сохранить свою самобытность, пусть даже в форме отдельных слов, выражений, песен, ритуалов, празднеств и т.д. Но возможности культурной идентификации сокращались, уходили на второй план и забывались.

Впрочем, постепенно на юге Франции стали замечать, что насильственное и повсеместное распространение французского языка придавало особую ценность и значимость местным языкам. После 1930 г. и особенно после Второй мировой войны стали набирать силу различные движения в защиту региональных языков. Их цель состояла в спасении языков национальных меньшинств. Одновременно повышался интерес к местному фольклору.

В 1951 г. во Франции был принят закон Дексона, который разрешил факультативное преподавание бретонского, баскского, каталанского и окситанского языков, но отказал в таком праве фламандскому, эльзасскому и корсиканскому. Последние три языка рассматривались как диалекты соответственно нидерландского, итальянского и немецкого языков и в то время стали преподаваться в средней школе как иностранные.

В законе говорилось, что учитель по своему усмотрению мог воспользоваться региональным языком на уроке, если это помогало детям лучше усваивать дисциплины, предусмотренные государственной программой, в частности при изучении французского языка. Закон устанавливал также, что при желании учитель мог получить специальное разрешение и проводить не более одного урока в неделю. В лицеях учащиеся также получили право на изучение бретонского и каталанского языков. Тем не менее, проведение в жизнь закона Дексона натолкнулось на серьезное препятствие. Для преподавания региональных языков выдача университетского диплома не предусматривалась и учителя, таким образом, не могли получить право на преподавание региональных языков.

По поводу этого закона В.Г. Гак высказался следующим образом:

Закон Дексона был первой брешью, пробитой в стене замалчивания, сооруженной официальной Францией вокруг местных языков: впервые официально было призна-

но их существование, необходимость их изучения. Он составляет важную веху в языковой политике и его рассматривают как свидетельство провала «языкового якобинства», согласно которому французский язык считался орудием прогресса, тогда как региональные языки – проявлением консерватизма. Но этот закон был малоэффективен, предусматриваемые им меры недостаточны, в значительной степени он оставался на бумаге в связи с отсутствием материальной базы (учебников, учителей). Вокруг него развернулась борьба. В то время как официальные инстанции министерства саботировали его претворение в жизнь, различные общественные организации, в том числе созданный в 1958 г. Национальный совет защиты региональных культур и языков, добиваются его реализации и расширения. Экзамен по региональному языку стал учитываться как один из экзаменов на степень бакалавра наряду с иностранными языками, стали организовываться передачи по радио и телевидению на местных языках [Гак 1986, 106].

В 70-е годы во Франции существовали следующие организации, занятые изучением и пропагандой региональных языков:

- Центр эльзасской диалектологии в Страсбурге,
- кафедры бретонского языка в университетах Ренна и Бреста,
- кафедры баскского языка в университетах Бордо и По,
- Светское движение региональных культур, образовавшееся в 1958 г.

В настоящее время эти движения и организации не ограничиваются борьбой за права региональных языков, рамки их деятельности стали более широкими и касаются развития культур национальных меньшинств во Франции. Нередко они связаны с националистическими и сепаратистскими движениями басков, бретонцев и др. [См. *Désirat, Hordé 1976, 20*].

Благодаря настойчивости движений в защиту прав национальных меньшинств и региональных языков депутаты Национального собрания Франции в июле 2008 г. приняли закон, по которому региональные языки были вписаны в Конституцию как предмет национального достояния Франции [См. *Les langues nationales 2008*].

ФРАНЦУЗСКИЕ РЕГИОЛЕКТЫ

Теория региолектной вариативности

Как было сказано выше, на месте распадающихся диалектов во Франции появлялись региональные варианты французского языка. Эти формы речи стали объектом внимательного изучения языковедов второй половины XX в. и в это время исследователи региональных вариантов французского языка начали выработать для этой цели систему специальных понятий и уточнять терминологию.

В диахроническом плане региональные варианты стали прежде всего пониматься как результат распространения французского языка в зоны существования диалектов и иных языков и их взаимного влияния. Данный генезис следующим образом описан Б. Мюллером:

В основном региональные варианты французского языка образовались в результате экспансии всеобщего языка в уже существовавшие диалектные зоны и на территории этнических языков. По мере продвижения французского языка новые пользователи переносили в него фонетические, морфологические и синтаксические модели своего родного диалекта или регионального языка. В результате заимствования различных элементов региональных подсистем эти пользователи сформировали новое, дополнительное языковое состояние, занявшее промежуточное положение между региональным языком, на котором они говорили, и всеобщим французским языком, на котором они хотели говорить [Müller 1985, 158].

В структурном плане стало осознаваться промежуточное положение регионального французского языка между диалектами, региональными языками страны и всеобщим французским языком.

Важным отличием региолектов от литературного языка и диалектов считается отсутствие у них письменной формы и системности. В.Г. Гак уточняет:

Региональные варианты не имеют письменной формы, хотя и есть примеры их фиксации на письме. Они по

ряду признаков отличаются от ФЛЯ, но, с другой стороны, от диалектов их отличает несистемность, разрозненность специфических явлений, большая и притом нередко прерывистая территория распространения, не обусловленная историческими границами [Гак 1986, 125].

Сложность устройства региолектов заставила французских исследователей различать, с одной стороны, региональный французский язык (*le français régional*), а с другой – локальный французский язык (*le français local*). Французские исследователи Ж. Дамуретт, Э. Пишон, Ж. Шоран и др. разницу между этими видами вариативности видели в широте их территориального распространения и в количестве и качестве элементов, унаследованных локальными вариантами французского языка от местных субстратов. Считается, что территория распространения регионального французского языка шире территории распространения локального французского языка, а количество специфических элементов в первой категории вариантов больше, чем во второй.

В функциональном плане было замечено, что существование языков, диалектов и их разных состояний происходит в двух основных ситуациях: в ситуации билингвизма и/или в ситуации диглоссии. Билингвизм проявляет себя в попеременном использовании французского и какого-либо иного языка страны (французского и баскского, французского и бретонского и т.д.) или в попеременном использовании французского языка и какого-либо диалекта романской, германской или иной речи (французского языка и провансальского диалекта, французского языка и эльзасского диалекта, французского и бретонского языков и т.д.). Диглоссия имеет место при реализации разных состояний самого французского языка: социальных, хронологических, территориальных и стилистических.

Изучение региональных особенностей французского языка специалисты началось с исследований в южных регионах Франции, т.е. с тех мест, где французский язык накладывается на окситанские и франко-провансальские диалекты (в Тулузе, Марселе, Каркалоне, Лионе, Савойе и др.). Ж. Альерес считает это неслучайным, так как южные диалекты представляют собой хорошо структурированные, в значительной степени оригинальные и автономные образования, четко противостоящие импортированному в данный район французскому языку. В северных районах явной спецификой отличаются лишь немногие диалекты романской речи – пикардский и валлонский, а другие на фоне французского языка проявляют себя слабо. Что же касает-

ся центра страны, то здесь, вокруг Парижа, уже давно образовалась зона регионального французского языка, подверженного сильному влиянию диалектов. Иначе говоря, северный и центральный регионы, представляют собой довольно размытую зону, в которой слабо различаются диалекты и региональные варианты французского языка. Это стало основной причиной того, что они долгое время оставались в центре внимания только диалектологов. Но именно диалектологи и стали первыми изучать здесь региональные особенности французского языка.

Практика изучения французских региолектов показала, что данную категорию исследователи понимают в значительной степени по-разному. Одни из них ограничиваются изучением региональных вариантов французского языка во Франции, другие исследуют их также за пределами этой страны. Как в том, так и в другом случаях во внимание принимается самый широкий спектр лингвокультурной регионализации, в связи с чем содержание термина «региональный французский язык» определяется в зависимости от изучения конкретной языковой ситуации в том или ином регионе страны или мира.

В 1980-е годы, то есть в период активного развития региолектного направления, термин «региональный французский язык» получил широкое семантическое и функциональное толкование. Это в значительной степени затруднило научное использование термина «региональный вариант французского языка» и даже заставило некоторых исследователей отказаться от него. К. Пуарье замечает, что многие языковеды – Г. Тюайон и др. избегают его. Л. Варнан и Ж. Страка предпочитают заменять его термином «региональные черты французского языка». М. Пирон часто пользуется сочетанием «нецентральный французский язык». Ж.-К. Корбей считает, что все труднее становится оправдывать целесообразность использования понятия «региональный французский язык» [См. Poirier 1987, 150 – 151]. Также М.А. Бородина отмечает:

В литературе вопроса все чаще термин «региональный язык» дублируется терминами «региолект», «региональные говоры», «регионализм», «региональные черты» (последние иногда называются провинциализмами). Однако мы усматриваем существенные различия между явлениями, обозначенными этими терминами: региональные черты (регионализмы, провинциализмы) – это отдельные особенности местной разговорной речи, которые отнюдь не обязательно входят в систему региональ-

ных говоров или регионального языка. Термин «региональный говор» или «региолект» предусматривает определенную функционирующую лингвистическую структуру. Синонимично региональному говору употребляется термин «региональный язык». По-видимому, можно говорить о региональных говорах (региолектах) как о самостоятельных лингвистических единствах. Что же касается системы французского регионального языка в целом, то, по-видимому, нет таких региональных языковых черт, которые были бы однородны по всей территории распространения французского языка. Наряду с этим можно говорить о единых тенденциях. Тем не менее, все региональные говоры объединяются в понятие регионального языка, структура которого могла бы быть реконструирована «под звездочкой» [*Бородина 1982*].

Во Франции специфику французского языка того или иного региона многие исследователи призывают обозначать не региональным вариантом французского языка, а набором региональных черт во французском языке на той или иной территории (набором пикардизмов, набором пуатевизмов и т.д.). В их представлении французские региолекты не предстают как отдельные гомогенные системы похожие на исчезающие здесь диалекты. Наборы специфических элементов в регионах Франции не представляют собой мощных системных образований, а являются простыми суммами локальных черт, называемых *регионализмами французского языка Франции*.

Так, Ж. Страка приходит к выводу, что из-за большой неопределенности региональных разновидностей французского языка более приемлемым было бы говорить не о региональных вариантах французского языка, а о региональных чертах французского языка:

<...> региональный французский язык никогда не предстает как целостная сумма региональных черт. Это также не самостоятельная система региональных элементов, а сама общефранцузская система, основную часть языковых черт которой – слова, формы, синтагмы – относятся к всеобщему французскому языку. Регионализмы в ней составляют относительно небольшую часть, которая меняется в зависимости от региона, от носителей языка, от лексико-семантических полей [*Straka 1979*].

Уже в период сбора фактов территориальной вариативности французского языка в мире наблюдалось всестороннее обсуждение содержания термина «региональный французский язык» (*le français régional*). Прежде всего, стало уточняться представление о региональной вариативности французского языка как о неофициальном и неформальном состоянии локализованной формы французского языка, которая в данном случае уподоблялась просторечию.

Однако такой взгляд на природу региолектов не нашел всеобщего признания. Было установлено, что суть региональных вариантов состоит в их устном использовании именно в разных регионах Франции и что они отличаются от литературного языка и друг от друга прежде всего территориальной маркированностью. В то же время устная и неофициальная форма существования региолектов стала признаваться вторичной и связанной с основной сферой их использования – бытовой, непубличной – среди лиц, обычно недостаточно владеющих стандартным языком. Впрочем, как художественное средство регионализмы все же находят свое отражение и в литературном творчестве провинциальных писателей.

Было замечено также, что социальная диверсификация французской речи в сельской местности представляется более ровной, чем в городах: на селе речь диверсифицируется главным образом на горизонтальной, т.е. территориальной оси. В городах же, напротив, вариативность представлена на вертикальной, т.е. социальной оси. Было установлено, что в сельских районах Франции вариативная дробность французского языка стала заменять собой диалектную диверсификацию. В городах же социолектная диверсификация так и остается социолектной. Впрочем, в различных кварталах французских городов (например, в Марселе, Тулузе) имеются группы мелкой буржуазии, так или иначе имитирующей парижскую речь, в то время как простые граждане в других кварталах города ограничиваются местным «говором».

Представление о региолектах как о просторечии в свое время самым естественным образом возникло среди диалектологов, обративших внимание на региональную вариативность французского языка. Изучая диалектную ситуацию в определенном регионе, диалектологи понимали ее в оппозиции «диалект / французский язык», в которой французский язык представлялся ими как система, включающая в себя, с одной стороны, официальную литературно-письменную форму (*le français littéraire*), а с другой – просторечие (*le français populaire*). Для диалектологов литературно-письменный язык, естественно, соот-

носился с общефранцузским вариантом, а просторечие – с тополектным вариантом. Именно с этой диалектологической точки зрения региональный характер французского языка стал определяется как разговорный, просторечный. Даже в 1985 г. Пьер Оже по этому поводу замечал следующее:

<...> региональный французский язык представляет собой такую часть повседневного французского языка, которая характеризует определенную франкоязычную территорию и которой пользуются в обычных условиях [Цит. по: *Poirier 1987*, 142].

Вторая точка зрения состоит в понимании регионального французского языка исключительно как территориального варианта без учета его эстетических и социальных особенностей, т.е. безотносительно к его литературно-письменному, официальному и народно-просторечному состоянию. С этих позиций региональный французский язык представляется исключительно как форма речи, распространенная на определенной территории. Именно так в 1972 г. данную разновидность французского языка определял Л. Вольф. При этом исследователь имел в виду, что в мире существует множество региональных разновидностей французского языка [См. *Wolf 1972*, 171].

В настоящее время многие лингвисты в принципе соглашались со следующим определением, данным понятию «региональный французский язык» Ж. Тюайоном:

Региональный французский язык это не еще один региональный язык; это, строго говоря, даже не язык. С помощью данного обозначения принято называть набор геолингвистических особенностей, проявляющихся в характере использования французского языка в каждом районе Франции и франкоязычного мира [*Tuailon 1987b*, 291].

Территориальные варианты французского языка различаются между собой разными статусными характеристиками. Одной из них является уровень автохтонности языка по отношению к его пользователям. Важная особенность языкового поведения тех франкофонов, для которых французский язык является родным, состоит в намеренном стремлении к поддержанию и развитию не только общей, но и специфической части языка, чтобы, с одной стороны, солидаризироваться с

другими носителями французской речи, а с другой – отличать себя от них.

Среди родных вариантов языка выделяются те, которые могут быть названы *национальными*. К этой категории не без основания относят варианты французского языка во Франции, в Бельгии, в Швейцарии и в Квебеке [См. Poirier 1987, 156 – 158]. Напротив, существующие в африканских странах варианты французского языка к данной категории не относятся на том основании, что африканцы пользуются им не как автохтонной формой речи, а как вторым и даже иностранным языком. Впрочем, заметим, что безусловным статусом национального варианта французский язык обладает только во Франции, в меньшей степени в Квебеке и еще в меньшей в Бельгии и в Швейцарии. Если существование французской нации сегодня является бесспорным фактом, то формирование наций во франкоязычном Квебеке, в бельгийской Валлонии и во Французской Швейцарии является незавершенным процессом. Тем не менее, с высказанной оговоркой специалисты считают возможным термин «национальный вариант французского языка» применять к французскому языку в Квебеке, в Бельгии и в Швейцарии.

Французский язык Франции часто понимается как *центральный* вариант, а все остальные разновидности французского языка в мире – как периферийные. В то же время французские специалисты имеют обыкновение периферийные варианты французского языка называть региональными. При этом подобные обозначения территориальных вариантов французского языка не всеми признаются корректными. Термины «периферийный» и «региональный» несут в себе оттенок провинциальности, отсталости и т.п. Тем не менее, нередко именно так обозначаются варианты французского языка за пределами Парижа и Франции.

Сам вариант французского языка Франции называют также общим французским языком (*le français commun*) и понимают его как систему региональных разновидностей французского языка на территории Франции. В то же время во французской лингвистике используется термин «всеобщий французский язык» (*le français général*), которым обозначается система всех разновидностей французского языка в мире. Общефранцузский язык представляет собой не сумму, а инвариант территориальных разновидностей французского языка в мире и включает в себя французский язык Франции как одну из его составляющих.

Всеобщий французский язык в мире и общий французский язык во Франции не существуют реально, а представляют собой виртуальные категории. Надо учитывать, что фактически все франкофоны в

мире и во Франции говорят в соответствии с особенностями речи, исторически сложившимися на тех больших и малых территориях, на которых они проживают. Так, например, к категории галлицизмов (элементов, свойственных французскому языку Франции) относятся слова *carte grise* «водительские права» (термин *carte grise* используется только во Франции; в других франкоязычных странах водительские права называют общефранцузским термином *permis de conduire*) и *salade* «салат» (во Франции салат часто подают в конце обеда, в отличие от других стран франкоязычного мира, в частности от Квебека, где салат всегда подают перед основным блюдом).

Тем не менее, выделение всеобщей и общей разновидностей французского языка Франции и других стран, провинций, департаментов, районов и городов в отдельные системы происходит на том основании, что в этих разновидностях, кроме специфических черт, имеется общий базовый набор произносительных, грамматических, лексических и стилистических характеристик. С этой точки зрения автономность данных форм речи основывается, с одной стороны, на их принадлежности к всеобщему французскому языку, а с другой – на наличии у них собственных оригинальных черт.

Присутствие во французском языке Франции и в других территориальных вариантах французского языка в мире вариативности не позволяет говорить об абсолютной гомогенности и единстве территориальных вариантов французского языка в мире, включая французский язык Франции. Даже литературно-письменной формой французского языка владеют далеко не все французы, а тот, кто пользуется ею, делает это только в соответствующей коммуникативной обстановке. С другой стороны, в типичных ситуациях бытового общения французы пользуются разговорными формами речи, в которых отражается тот или иной региональный вариант французского языка Франции.

Особо выделяется французский язык Парижа. Ж. Тюайон этот вариант французского языка признает в качестве референтного. Если на всей территории Франции для обозначения некоторого предмета существует одно слово, например *la verne* – «ива», а для Парижа – *l'aune*, то маркированным регионализмом считается обозначение *verne*, а *aune* признается нормальным [Tuailon 1987b, 291 – 292].

Существование на территории современной Франции региональных элементов заставляет говорить о его территориальных вариантах, которые, тем не менее, не превращаются сколько-нибудь в говоры и тем более в диалекты. Преобразование французского языка в говоры не происходит уже потому, что говор – это устная разновидность речи, в то время как французский язык на всей территории современной

Франции распространен как в устном, так и в письменном варианте. Что же касается диалектного статуса, то диалект – это самостоятельная языковая система со своей специфической структурой. Однако внутри современного французского языка Франции образование новых самостоятельных систем не наблюдается.

Важной теоретической проблемой остается категоризация элементов системы территориальных разновидностей французского языка в мире. К настоящему времени общепризнанным стало понятие «франкофония», в рамках которого различают три основные категории: национальные варианты, включая французский язык Франции; французский язык, используемый в качестве второго языка; французский язык – язык культуры. Единство таким образом структурированного франкоязычного мира обеспечивается существованием единого нормативного стандарта, которому придерживаются все пользователи французского языка в мире. Впрочем, на современном этапе все активнее стала предлагаться модель, в которой, кроме всеобщей нормы, выделяются самостоятельные нормы французского языка в отдельных национальных сообществах. Однако, исследователям и официальным политическим лицам на саммитах франкофонных государств не удалось окончательно признать существование полифонии во франкоязычном мире.

Основные типы регионализмов

Согласно Ж. Страке, регионализмы французского языка Франции происходят из следующих основных источников:

- *субстраты* – языки и диалекты романского, германского и иного происхождения, существовавшие в зоне распространения данного региолекта до того как он сам появился на данной территории;
- *адстраты* – языки и диалекты, находящиеся в постоянном контакте с данным региональным вариантом французского языка;
- *суперстрат* – общий французский язык, отдельные элементы которого, превратились в его рамках в архаизмы, но до настоящего времени сохраняются в региолектном активе;
- *сам региолект*, создающий собственные новообразования. Среди неологизмов наиболее характерными считаются изменения, появившиеся на данной территории в семантической структуре общезападных французских слов [См. *Straka 1979*, 8 – 10].

Региональные диалектизмы

Что касается субстратного влияния на формирование и развитие региональных вариантов французского языка Франции, то исторически оно началось в период Возрождения. Французская революция конца XVIII в., завершившая феодальную эпоху и открывшая путь к развитию капиталистических отношений во Франции, активизировала контакты французского языка с диалектами. В XIX в. диалекты уже мощно проникали во французский язык Франции. Этот период оказался наиболее значимым для формирования французских региолектов, ибо в то время внесение в «чужой» язык элементов родной речи (диалектов) осуществлялось в условиях массового усвоения французами французского языка, а несколько позже – во второй половине XX в. – имело место преобразование самих диалектов в региональные варианты французского языка. М.А. Бородина по этому поводу пишет следующее:

Само собой разумеется, что в последней четверти XX в. речь не может идти о «диалектах», явлении в целом свойственном другой исторической формации, от которой в силу различных условий непосредственных свидетельств (записей) диалектной речи не осталось вовсе ничего или остались единичные свидетельства. Мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь как одну из характеристик «региона». Это – проблема номер один языковой ситуации современной Франции [*Бородина 1982*].

В свою очередь, В.Г. Гак замечает:

<...> исчезая диалекты дают жизнь новому типу языковых образований – региолектам, которые возникают вследствие столкновения двух тенденций: унифицирующей и дифференцирующей. Завоеывая территорию Франции, французский язык одновременно подвергается процессу диверсификации. Создается новый тип двуязычия: вместо диглоссии ФЛЯ – диалект или РЯ, возникает билингвизм ФЛЯ – региональный французский [*Гак 1986, 125*].

Диалектизмы, вошедшие в региолекты из тех форм речи, которые когда-то существовали на данной территории или продолжают там свое существование в качестве субстратов являются самой типичной и многообразной группой регионализмов в современном французском языке Франции. Романские, германские и прочие диалекты на местах оставили во французском языке множество фонетических, лексических и морфосинтаксических элементов.

Наиболее характерным диалектальным признаком в региолектах 1930 годов А. Доза считал произношение. Даже в северных районах страны, там, где когда-то были распространены диалекты группы *Langue d'oïl*, французы легко по произношению узнавали, из какой области происходит их собеседник. Прежде всего, безусловно, это относилось к жителям сельских районов, но и у горожан встречалось множество региолектных черт. Однако после 30-х годов многие регионализмы исчезли.

У жителей юга Франции, включая франко-провансальские районы, сегодня, как и прежде, отмечается особая музыкальность фраз. Интонационный рисунок окситанской речи провансальцев, безусловно, связан с разнообразными субстратами. Общей особенностью произношения южан считается также произношение большинства немых [ɑ] и специфическое произнесение носовых гласных, сопровождающихся носовыми согласными. Другой характерной чертой южного произношения признается произнесение носовых гласных с одновременным образованием после них элемента типа [i] или [j]: *vilain* [vilFi] или [vilFj]. Значительные отклонения от общефранцузской произносительной нормы, тем не менее, не затрудняют понимание их речи остальными франкофонами. То же можно сказать и о произносительных особенностях в других регионах Франции, например произнесение [o] в конечной позиции (*auto, vélo, mot* и др.) в Франш-Конте и в Бургундии. Типичным для Эльзаса считается звонкое произнесение глухих согласных.

В грамматической морфологии французских региолектов диалектизмы встречаются редко. Как замечает А. Доза, это связано с тем, что данная часть французского языка сильно поддерживается школьной грамматикой [См. Доза 1956, 444].

Тем не менее, в области морфосинтаксиса по свидетельству Б. Пёлла, под влиянием местных диалектов на юге Франции отмечается высокая степень использования *Passé simple*, практически исчезнувшего из общефранцузской устной речи. В Бургундии в качестве вспомогательного глагола при *être* в *Passé composé* встречается форма *être*, например: *Je suis été malade* (вместо *j'ai été*). В восточной части Цен-

тральной Франции вместо общефранцузской формы *le* в качестве прямого приглагольного дополнения употребляется местоимение *у*: например: *J'y ai rencontré* вместо *Je l'ai rencontré*; *Pour faire ce travail il faut у aimer* вместо *Pour faire ce travail il faut l'aimer*. В восточных районах Франции иногда встречается *Futur immédiat* с глаголом *vouloir* вместо *aller*: *Le train veut partir*. На юге обычным является употребление определенного артикля перед именем человека: *C'est le Paul*. Также на юге, особенно в Гаскони, распространено возвратное употребление глаголов: *Il se mange le poulet*. В Дофинэ порядок следования прямых и косвенных приглагольных дополнений также часто не отвечает общефранцузскому правилу: *Je lui la donne* вместо *Je la lui donne*.

Во французские региолекты проникали не только романские, но и германские диалектизмы, в частности из эльзасского диалекта на востоке Франции. Во французский язык Эльзаса и Лотарингии из него попали многие названия продуктов питания и блюд, например *baeck-oeffe* «рагу из трех сортов мяса». Распространенным здесь является франкизм *tatata* в значении «бабушка». Из бретонского субстрата во французский язык Бретани попало приветствие *kenavo* «до свидания, прощай» [См. Сидоров 2008, 84 – 85].

Адстратные регионализмы

К адстратным влияниям, испытываемым французскими региолектами, относятся контакты с соседствующими языками. В синтаксисе особенно характерны заимствования из немецкого литературного языка в Эльзасе, Лотарингии и Фландрии. Здесь соответственно правилам немецкого языка предложение обычно начинается с дополнения, после чего следует обратный порядок слов [См. Доза 1956, 445]. Также в качестве примера адстратного заимствования французским языком на востоке страны Б. Пёл отмечает слово *quiche*, которое в значении «пирог, запеканка» из немецкого языка перешло в местный региолект, а затем и в общефранцузский язык.

Региональные «архаизмы»

Архаизация французских региолектов особенно характерна для синтаксиса. В частности, на юге Франции довольно специфичным считается употребление предлогов, отвечающее старой просторечной норме, например: *le livre à Pierre* (предлог принадлежности *à* вместо

общефранцузского современного *de*); *en Avignon* (предлог *en* перед названием города вместо общефранцузского современного предлога *à*); предлог *sur* нередко заменяет *en* в Сентонже (*sur semaine* вместо *en semaine*) и др. Среди архаизмов общефранцузского языка в региолектах Франции встречается самая разнообразная лексика, например в провинции Дофинэ наречие *fin* в значении «очень» (*fin propre, fin saouûl*). Существительное *déjeuner* в значении завтрак (вместо общефранцузского значения «обед») употребляется во многих сельских районах Франции. Архаичными считаются также произносительные особенности, например произнесение раскатистого [r] вместо современного общефранцузского щелевого [R] в Бургундии и в Бери (на юге Франции эта особенность считается диалектной).

Региональные неологизмы

В качестве региолектных инноваций Б. Пёлл отмечает слово *lan-dages* «заросли кустарников, чаща» в Нормандии (вместо общефранцузского слова *broussailles*). Среди подобных лексических единиц особо выделяются семантические неологизмы. Во всех районах Франции существуют самые разные просторечные локальные образования, которые еще в 20-е годы наблюдал А. Фрей [См. Фрей 2006]. Среди неологизмов французского языка в районе между Греноблем и Валенсой Ж. Тюайон отмечает глагол *s'envenir* в значении «возвращаться», образованного от *venir* по известной в старофранцузском языке модели *fuir > s'enfuir. Elle s'est envenue en auto-stop* [См. Tuillon 1987b, 295].

Отношения между региональной и общефранцузской лексикой

Между регионализмами и общефранцузскими словами становится возможным установить парадигматические отношения синонимии, полисемии, омонимии и др. [См. Straka 1979]. Структурный анализ такого рода явлений становится возможным только в случае признания того, что региональные варианты французского языка составляют единую систему общефранцузского языка, и согласиться с тем, что ее элементы (общие и специфичные) принадлежат этой системе.

Синонимические различия между регионализмами и общефранцузскими словами, имеющими разный уровень частоты употребления: в регионе регионализм употребляется чаще, чем общефранцузское

слово, например в Лионе и Дофине слово *patte* «тряпка» встречается чаще, чем общефранцузское слово *chiffon* [См. *Trésor de langue française informatisé 2004*]. Также жители Франш-Конте предпочитают говорить *coquille* «кастрюля» и реже употребляют общефранцузское слово *casserole*. При этом в общефранцузском языке данные регионализмы практически не встречаются или употребляются крайне редко.

Нередко регионализмы и общефранцузские синонимы различаются между собой стилистически. Так, слово *tantôt* «сегодня после полудня» во французском языке Парижа отличается фамильярностью, в то время как в нейтральном употреблении здесь встречаются общефранцузское слово *après-midi*.

Синонимические отношения между регионализмом и общефранцузским эквивалентом может отмечаться в дистрибутивном плане. Так, регионализм *clarteux* в значении «светлый» в Нанси употребляется только в отношении комнаты, квартиры. В остальных случаях для выражения понятия «светлый» встречается общефранцузское слово *claire*.

В то же время расхождения между регионализмами и общефранцузскими вариантами могут касаться семантической структуры общефранцузского слова и отражаться на полисемии слова. Так, на территории некоторого региона Франции в общефранцузском слове могут возникнуть дополнительные значения. Например: в слове *demoiselle* «девушка» в Нормандии появилось значение «мера кальвадоса», в других регионах Франции – «полулитровая бутылка вина».

В омонимических парах нередко проявляются фонетические и графические совпадения, этимологические различия и т.д. В семантических дивергентах отмечаются различия в объеме основного значения, в семантической структуре слов, в коннотативных наложениях и т.д.

Отношения между регионализмами разных национальных вариантов французского языка и общефранцузскими элементами порой складываются довольно сложно.

Среди регионализмов особо выделяются те, что обозначают местные реалии. В этом случае региональными могут быть как обозначающие (слова), так и обозначаемые (предметы). Подобные регионализмы имеют обязательный характер для носителей региолекта и для носителей всеобщего языка (например, *bourgmestre* в значении «мэр» на территории Валлонии). Общефранцузские эквиваленты для обозначения соответствующих объектов отсутствуют, и лишь иногда подбирается неправильное в данном случае общефранцузское наименование. Подобные слова принято называть статализмами. Особенно

много статализмов встречается среди региональных наименований растений, местных блюд, административной лексики. К регионализмам относятся также слова, по-особому обозначающие хорошо известные во всей стране предметы и имеющие соответствующие общепольские синонимы. При этом общепольское слово, как правило, знакомо в регионе, но употребляется оно реже, чем его региональный эквивалент. Региональные слова такого рода считаются настоящими регионализмами. В них региональным представляется только обозначающее, в то время как обозначаемое не отличается спецификой.

К. Пуарье обращает внимание на то, что в разных национальных вариантах польского языка положение локальных элементов может быть довольно разным и что в зависимости от варианта регионализмы могут иметь разную функциональную и статусную значимость. Так, слово *barrer* «закрывать на ключ» по праву можно назвать регионализмом польского языка Франции. Но то же слово *barrer*, существующее в Квебеке в том же значении что и во Франции, не считается регионализмом на том основании, что Квебек не является польским регионом. Иначе говоря, если *barrer* для польских условий представляет собой регионализм национального языка Франции, то для квебекских условий он не является не только регионализмом польского языка Франции, но и регионализмом польского языка Квебека, ибо этот канаданизм обладает статусом общего элемента квебекского варианта польского языка [См. *Poirier 1995*, 19]. То же можно сказать и о статусе некоторых бельгийцизм и гельветизмов по отношению к соответствующим галлицизмам. Так, слово *ajoute* «дополнение, добавка» можно считать регионализмом польского языка Франции, засвидетельствованном в Нор-па-де Кале, и в то же время бельгийцизмом, известным во всей Бельгии. Встречающееся в бельгийском районе Гом слово *arantole* «паутина» надо считать регионализмом польского языка Бельгии, но не Франции и не всего бельгийского региона распространения польского языка [См. *Клоков 2007*, 165 – 166]. В Швейцарии существует гельветизм *boiton* «свинарник», считающийся регионализмом во польских районах Дубс, Верхняя Юра и Верхняя Савойя. В то же время в Швейцарии имеются свои общешвейцарские гельветизмы, например *livret de service* «военный билет», и собственно швейцарские регионализмы, например *président* в значении «мэр» в кантонах Невшатель и Вале [См. подробнее *Клоков 2009*, 161 – 172].

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ ФРАНЦИИ

Понятие

«региональный язык»

Особенность этноязыковой ситуации в современной Франции состоит в том, что здесь, в отличие от многих других регионов и стран мира, официально признано единение государственной, национальной и языковой территории. В связи с тем, что Франция представляется как единое государство с единой нацией и единым языком, официально французский язык признается как единый язык единой нации в едином государстве. Реально же во Франции проживает далеко не одна, а несколько этнических групп и не один, а несколько традиционных (баскский, окситанский и др.) и импортированных этнических языков (цыганский, арабский и др.). На протяжении XX в. и в настоящее время французское государство стремится упрочить национально-языковое единение, в то время как многие группы национальных меньшинств, напротив, стремятся к национально-культурной и языковой самостоятельности внутри страны.

С социолингвистической точки зрения Ж. Сабий так характеризует региональные языки Франции. Прежде всего – это такие формы речи, которые французы хотели бы защитить и придать им более высокий статус, чем тот, которым они обладают сегодня: эти языки существуют на национальной территории с более раннего времени, чем французский язык, и при этом пребывают в условиях официального непризнания со стороны государства. Рядом с официальным языком они находятся в ситуации угнетения и маргинализации. Задумываясь над статусом этих языков во Франции, Ж. Сабий предлагает называть их не региональными, а, как принято во многих других странах, языками национальных меньшинств или просто национальными языками страны [См. *Sabille 2000*, 5 – 6].

Во Франции существует довольно мощные движения в защиту региональных языков, особенно активизировавшиеся во второй половине XX в. Но после принятия децентрализирующих законов в 1968 и 1982 гг. они стали менее радикальными и сегодня ориентируются главным образом на правовое решение языковых проблем путем включения региональных языков в школьное и университетское образование, путем придания им более широкого доступа в публичную сферу

коммуникации: в средства массовой информации, на транспорт, в рекламу и т.п.

Начиная с 1951 г., когда был издан закон Дексона по образованию, региональные языки стали допускаться в школу. В настоящее время их преподавание регулируется правительственным постановлением от 7 апреля 1995 г., согласно которому региональные языки представлены в школе как родные формы обучения, как языки двуязычных граждан на равном основании с французским и, наконец, как общеобразовательная школьная дисциплина.

Как основная форма обучения региональные языки во Франции используются при изучении всех дисциплин в начальной школе. При этом уже в подготовительном классе предусматривается обязательное преподавание детям французского языка. Такое обучение проводится исключительно в частных школах. Его цель состоит в том, чтобы к концу начального цикла обучения в школе подготовить детей к дальнейшему обучению на двух языках: региональном и французском. Данная методика в полной мере оправдывает себя. Она позволяет на раннем этапе обучения дать детям знания на их родном языке и постепенно подготовить их к дальнейшему обучению и свободному общению на официальном языке страны.

Двуязычное обучение предусматривает одинаковое количество уроков на региональном и французском языках. Оно дает возможность одинаково получать знания как на родном региональном, так и на общенациональном французском языке.

Преподавание региональных языков как общего предмета в системе образовательных дисциплин школы проводится на начальном уровне по желанию учащихся в количестве от 1 до 3 уроков в неделю. В средней школе региональный язык может преподаваться как второй или третий иностранный язык в коллеже в количестве 3 – 4 часов в неделю или на факультативной основе 1 раз в неделю.

Как указывает Ж. Сабий, в 2000 г. в систему школьного образования Франции допускались следующие региональные языки: каталанский, корсиканский, окситанский, галло, немецкий (как региональный). Другие языки не допускаются по разным причинам политического, идеологического, профессионально-административного, психологического толка. Преподавание допущенных к изучению региональных языков, за исключением языка галло, прогрессирует и находит все больший спрос среди учащихся [См. *Sabille 2000*, 67 – 68]. Однако, расширение масштабов преподавания региональных языков происходит медленно под давлением родителей учащихся и при сопротивлении министерства образования Франции, которое традиционно

не стремилось к лучшей организации обучения детей на региональных языках. Так, 80% баскских детей во Франции не могут обучаться на родном языке. Также далеко не все бретонские и окситанские дети могут обучаться на своих родных языках или изучать их. Относительно благополучно складывается ситуация с преподаванием корсиканского языка и обучения на нем детей.

При обучении в лицеях на степень бакалавра также введен обязательный и факультативный курс «региональные языки». По всей стране в 1997 г. на эту дисциплину записались и подготовили экзамен около 4800 учащихся. Причем это число по сравнению с предыдущими годами несколько снизилось, так как изменились требования к экзамену.

Некоторые университеты Франции готовят преподавателей региональных языков в начальной школе: в Ренне для бретонского, в Кортэ для корсиканского, в Монпелье, Тулузе и Экс для окситанского, в Бордо для баскского. Кроме того, учителей региональных языков готовят в частных учебных заведениях, которые обеспечивают свои собственные потребности в преподавательских кадрах. Для преподавания в средних учебных заведениях баскского, бретонского, каталанского окситанского языков некоторые вузы готовят преподавателей региональных языков в сочетании с какой-нибудь другой специальностью. Наконец, в стране ведется подготовка специалистов по региональным языкам для высшей школы. Эти специальности открыты после принятия в 1984 г. закона Савари, согласно которому высшей школе поручается забота о развитии французского языка и региональных языков и культур страны. Однако практически университетам на преподавание и научные изыскания в области региональных языков выделяется крайне мало средств.

Окситанский

Окситанский язык стал региональным языком Франции в XIII в., когда в результате альбигойских войн французское королевство присоединило к себе Окситанию, где до этого успешно развивалась местная романская речь – *langue d'oc*. К указанному периоду она сложилась именно как язык, обсуживающий развитую культуру южан, в то время как на Севере романская речь – *langue d'oïl* – все еще представляла собой группу разрозненных диалектов.

Термины *langue d'oc* и *langue d'oïl* были в свое время предложены великим Данте Алигьери, который в книге «О народном красноречии» разницу между южной и северной разновидностями романской речи

на территории бывшей Галлии обозначил согласно манере произносить утвердительную частицу «да» как *oc* на юге и *oïl* на севере. Особое различие между Югом и Севером и их формами речи так обозначил В.Г. Гак:

В XI – XIII вв. Юг Франции в экономическом и культурном отношении стоял на более высоком уровне, чем Север страны, а провансальский язык был одним из наиболее развитых литературных языков Западной Европы [Гак 1986, 108].

На протяжении долгой истории среди населения и специалистов Юг Франции и распространенный там язык имели множество наименований. Сам регион назывался (и часто называется сегодня) Провансом, Югом Франции, Окситанией.

Прованс – изначальное название, относящееся к римской провинции *Provincia*, созданной во II в. до н.э. во времена захвата юго-восточной части Галлии. Позднее Провансом называли всю южную часть Франции, а язык, которым пользовались французские южане – провансальским. Сегодня термин Прованс правильно относить только к той части Франции, где на месте римского Прованса располагается французская провинция Прованс. Что же касается обозначения «провансальский язык», то им изначально называли ту форму речи, которой в Средневековье пользовались жители южной части романизированной Галлии. В XIX в., в период подъема движения за возрождение провансальской культуры, данный термин был заменен на термин «окситанский язык». Сегодня понятие «провансальский язык» соотносится только с провинцией Прованс и рассматривается как один из диалектов окситанского языка. Сегодня широко используемый термин *langue d'oc* употребляется для обозначения не только той формы речи, которая складывалась в начальный период формирования романских языков, но и особого стилистического варианта современного окситанского языка.

Наряду с провансальским к диалектам окситанского языка относят лангедокский, лимузенский, овернский, альпийский, гасконский. При этом лангедокский диалект, несмотря на свое название, не то же, что окситанский язык, а является его частью. Со своей стороны, гасконский диалект часто квалифицируется не как часть окситанского языка, а как самостоятельный диалект и даже отдельный язык (его специфика обусловлена влиянием баскского языка). Альбийским диалектом считается форма речи, распространенная на небольшой терри-

тории соседней Италии. Наконец, заметим, что ту форму речи, которая существовала во времена расцвета провансальской культуры на юге Франции, принято называть старопровансальским языком. В отличие от нее современный окситанский язык иногда называют новопровансальским.

Окситанский язык с недавних пор стали называть также *langues occitanes* (окситанские языки), в чем проявляется желание подчеркнуть сложную диалектную структуру данной формы речи.

Для иллюстрации сходств и различий между диалектами окситанского языка П. Созе приводит параллельные варианты текста на этих диалектах в сравнении с французским:

Texte français: «*Là-bas la maison de mon père est pleine de valets qui ont du pain et du vin, des œufs et du fromage tant qu'ils veulent. Pendant ce temps, moi, je meurs de faim ici*».

Languedocien (d'Albi): «*Enlà l'ostel del paire es plein de vailets qu'aun de pan et de vin, d'uòus e du fromatge tant que ne vòlon. D'aquel temps, ieu aici morissi de fam*».

Provençal (rhodanien): «*Ailai l'ostau de mon paire es plein de nharros qu'an de pan de vin d'uòus et de fromatge tant coma ne'n vòlon. Enterin ieu mòre de fam aici*».

Limousin (méridional) «*Alai la maison de mon pair es plena de vaslets qu'aun del pan e del vin, daus uòus e de la toma tant que ne vòlon. D'aquel mentre ieu aici mòri de fam*».

Auvergnat (de Saugues): «*Alai l'ostal de mon paire es plen de mesatges qu'an de pan, de vin, de cacaus et de fromatge tant que ne'n vòlon. E ieu crèbe de fam aici*».

Alpin (de Barcelonnette): «*Aila la maison de mon paire es plena de varlets qu'an de pan, de vin, d'uòus e de fromatge tant coma ne'n vòlon. Dementiera ieu çai mòro de fam*».

Gascon (de Valence-sur-Baïse): «*Lahòra la maison de mon pair qu'es plea de vailets qu'an pan, vin, uòus, fromatge tant que'n vòon. Dementre jo que morissi de hame*» (Saucet 1987, 250 – 251).

В современную эпоху для окситанских диалектов была создана единая письменность, названная классической. Наряду с ней Мистраль и его сторонники создали свою особую письменность, называемую мистральской. С помощью этой графики написаны основные произведения Провансальского возрождения конца XIX – начала XX вв.

Точное количество пользователей окситанского языка во Франции не известно. Статистические данные относительно региональных языков и диалектов в современной Франции отсутствуют. Исследователи отмечают, что проведение языковой переписи во Франции означало бы официальное признание существования на территории Франции не только французского, но иных языков. Для юга Франции регистрация соответствующих данных заставила бы власти признать факт существования окситанского языка как самостоятельной системы в его противопоставлении французскому языку, а также окситанским диалектам на юге Франции. А это означало бы официальное признание существования во Франции не одной, а нескольких наций, что, в свою очередь, могло бы стать причиной национального и государственного раздела Франции. Надо учесть существование следующей официально признанной концепции государственного и национального устройства:

<...> между нацией и государством существует органическая связь. Нация, в соответствии с этой доктриной, представляет собой человеческую общность, юридическим воплощением которой является государство. Поэтому использование слов «нация», «национальность», «народ» для обозначения людей, живущих на французской земле, вызывает подозрения. Не идет ли речь (в соответствии с представлением о том, что нация не может существовать без государства) о националистическом стремлении создать государство, отдельное от французского, или о попытке установить неравенство расистского («этноцистского») толка, т. е. утвердить коллективные права отдельной общины, провоцируя тем самым дискриминацию внутри французского народа, состоящего, по определению, из всех граждан, без каких-либо различий между ними. Слова «нация», «национальность», «народ» применимы в сегодняшней Франции только для обозначения всей совокупности граждан государства. Именно по этой причине упоминание о «корсиканском народе, составной

части французского народа» было опротестовано в 1991 году Конституционным советом [*Le Коадик 2005*].

По мнению Ж. Сабийя, в 2000 г. на Юге Франции из общего числа 14 – 15 млн. чел. имелось от 2 до 3 млн. человек, пользовавшихся окситанским языком. При этом автор замечает, что по имеющимся сведениям, в 1920 г. число носителей окситанского языка равнялось около 10 млн. чел. [См. *Sabille 2000*, 38 – 39].

Отмечается существенная разница в уровне знания и владения окситанским языком в урбанизированных и сельских районах, с одной стороны, и среди младшего и старшего поколений. В городах и среди молодежи окситанский язык распространен в меньшей степени, чем на селе и среди пожилых людей.

Как считает П. Созе, романская речь, существующая на юге Франции, может рассматриваться в следующих трех разновидностях:

- как единый окситанский язык, отличающийся от французского своим состоянием и функционированием,
- как группа диалектов романской речи, различающихся между собой структурно;
- как набор патуа, противопоставленных французскому языку как непрестижных, провинциальных форм речи, не имеющих перспективы для развития [См. *Sauzet 1987*, 209].

Что касается отличия окситанского языка от французского, то оно сложилось довольно давно – в самом начале формирования разновидностей романской речи в рамках единого галло-романского языка. В настоящее время авторы Лингвистического энциклопедического словаря отмечают следующие его особенности:

Для фонетической системы окситанского языка, в отличие от французского языка, характерны: открытый тембр гласных и сохранение предударных *e* и *ɔ*, дифтонгов *ai*, *oi*, *ou*, *ie*, произнесение согласного, следующего за носовым гласным, звучание морфемы множественного числа *s*. Сохранение конечных безударных гласных обуславливает большое количество парокситонов (слов с ударением на предпоследнем слоге) и особый ритм фразы. Наличие фрикативного *b*, апикального *r*, мягкого *l'* сближает окситанский язык с иберо-романскими языками. В морфологии для окситанского языка характерны специфические особенности употребления глагольных времен, в глагольной системе сильно развиты флексии,

благодаря чему употребление личного приглагольного местоимения необязательно [*Лингвистический энциклопедический словарь 1990*, 344].

За неимением точных статистических данных на общерегиональном уровне исследователи предполагают, что на Юге современной Франции все граждане владеют французским языком, при этом многие из них являются билингвами, то есть, наряду с французским, в той или иной мере пользуются тем или иным вариантом окситанской речи. Незначительная часть жителей Юга являются монолингвами: одни из них не пользуются окситанским языком, другие не владеют французским (главным образом это касается детей, не посещающих школу и живущих в семьях, где языком общения является окситанский язык, и незначительного числа пожилых жителей деревень, не изучавших французский язык). Впрочем, на Юге говорят, что чистые окситанцы сегодня живут только в окситанских мифах. Раньше сведения о количестве «чистых» окситанцев получали косвенным путем при анализе языковой ситуации в ответах на вопрос «Знаете ли вы французский язык». Отрицательный ответ понимался как знание окситанского языка [См. *Sauzet 1987*, 211].

Основная языковая оппозиция, складывающаяся на Юге, существует между окситанским и французским языками, в меньшей степени – между диалектами самого окситанского языка. При этом во французской лингвистике существуют две точки зрения на оппозицию между французским и окситанским языками. Первая принадлежит П. Мейеру и Г. Парису, согласно которым между французским и окситанским языками нет четкого географического и структурного перехода и оба языка плавно переходят один в другой. Эта точка зрения не лишена политико-идеологической основы центристского взгляда на национально-языковое устройство страны. Вторая точка зрения противоположна первой, она основывается на идее существования во Франции отдельных национальных групп и традиционных языков, в частности французского и окситанского, между которыми наблюдается значительная разница и пролегает четкая географическая граница [См. *Sabbille 2000*, 11 – 13]. Эта точка зрения, тем не менее, не противоречит заключению о том, что на границе между французским и окситанским языками существует переходная зона шириной от 20 до 50 километров.

Среди населения и специалистов существуют серьезные трудности в определении уровня самостоятельности окситанского языка. По своему происхождению и состоянию окситанский язык близок к французскому, и носителям этих двух форм речи нелегко провести

между ними грань; более того сам окситанский язык представляет собой бесконечное множество форм диалектного, социолектного и стилистического состояний. Таким образом, форма речи южан представляет собой мелко градуированный континуум, в котором трудно определить, где кончается французский и начинается окситанский язык и наоборот, где кончается окситанский язык и начинается французский. Этот континуум располагается в зоне между совершенной формой владения гражданами французским языком и кончается их обращением к той или иной форме окситанского патуа.

Исследователи, изучающие языковую ситуацию на юге Франции, понимают импорт французского языка не только как наложение его на местные формы речи, но и как смешение французского и окситанского языков, в результате которого появилась новая, креолизованная форма речи. Действительно, уровень местной специфики французского литературного языка настолько высок, что это заставляет говорить о его креолизованном состоянии. Гипотеза креолизации французского языка была высказана Ж. Альересом на конференции романистов, состоявшейся в 1979 г. в Квебеке, но не нашла полной поддержки участников конференции [См. *Actes du colloque «Les français régionaux» 1979*].

Идея континуума и креолизации языковых форм речи на юге Франции естественным образом приводит к отрицанию существования билингвизма в этой части Франции. В данном континууме окситанский язык занимает низшую позицию, а французский находится на вершине пирамиды. Данная ситуация осложняется тем, что использование разных элементов континуума нередко носит стилистический характер. Применение французского регистра в речи на окситанском языке особым образом окрашивает речь окситанцев, в то время как и обращение к окситанскому языку при общении на французском может также иметь стилистическую окраску. В данном случае языковая контаминация сочетается с речевой, что, возможно и создает впечатление о существовании ситуации креолизации на Юге Франции.

Безусловно, такая точка зрения расходится с официальной идеей о том, что на границе двух языковых зон внутри страны должна существовать линия непонимания. Такой подход вырабатывается с целью сохранения чистоты французского языка и затухания, а не развития региональных языков и тем более не рождение на их основе новых форм речи.

Ситуация креолизации на Юге Франции в некоторой степени напоминает языковую ситуацию на Корсике, где также формируются креолизованные состояния. Общее на двух территориях состоит в том, что местное население не желает отказываться от родной формы речи,

но разница заключается в том, что корсиканцы не желают полноценно осваивать французский язык, в то время как окситанцы, напротив, в массе своей стараются хорошо владеть французским языком.

Особенности диглоссии в современной Окситании затушевывают проблему выбора между французским и окситанским языками и не дают повода к языковому конфликту в данной части французского государства. Основная причина состоит в том, что население Юга не в полной мере осознает самостоятельность окситанского языка и достаточно глубоко погружает французский язык в местный лингвокультурный ландшафт.

Общий рисунок диглоссии на Юге Франции, прежде всего, состоит в том, что в оппозиции французский / окситанский языки французский язык занимает ведущее, доминирующее и престижное положение, а окситанский представляет собой форму речи, отмеченную провинциальностью и функциональной ограниченностью. Более того, французский язык в своей литературной форме тяготеет к гомогенности, а окситанский язык в своей диалектной форме тяготеет к внутренней вариативности (сегодня из всех остающихся во Франции региональных языков окситанский язык диалектно является, вероятно, наиболее вариативным).

Окситанская диглоссия характеризуется билингвизмом. Заметим, что до XVIII в. в ней почти полностью отсутствовал билингвизм, так как на протяжении многих веков французским языком пользовалась лишь незначительное число окситанцев. На протяжении XIX в. число билингвов постепенно возрастало, что привело к ситуации элитарного билингвизма, характеризующегося тем, что французский язык на Юге Франции осваивала главным образом избранная часть окситанского общества. Сегодня билингвизм в Окситании имеет всеобщий характер, ибо, как было сказано выше, все окситанцы пользуются одновременно французским и окситанским языками.

Окситанский язык на Юге Франции используется главным образом в условиях бытового общения в семье, среди односельчан, а в городах среди друзей, товарищей, знакомых. Тем не менее, при общении с незнакомыми людьми окситанцы предпочитают говорить на французском языке, если даже разговор касается бытовых тем [См. *Sauzet 1987*, 224]. Кроме того, окситанский язык существует как возможное средство общения при традиционных видах занятий: при обработке земли, сборе урожая, изготовления вина, рыбной ловле, охоте (охота представляет собой вид досуга и развлечения южан) и т.д. На фоне присутствия в регионе французского языка употребление всегда стилистически маркировано. Употребление отдельных слов, предложе-

ний, устойчивых выражений из окситанского языка в речи на французском языке всегда понимается как стилистический прием, как желание придать речи местный колорит.

При этом окситанский язык обладает низким престижем. Подтверждением этому служит его традиционное в среде окситанцев обозначение как патуа. Из этого следует, что носители окситанского языка лишают свою речь статуса языка и рассматривают ее как французский диалект. Южане осознают, что окситанский язык не выполняет те важные функции, которые реализует французский. Они знают, что пользование окситанским языком для них не является обязательным, и что они не могут обойтись без французского языка. Окситанцы понимают понимают также, что по своему состоянию их родной язык находится далеко от французского языка, что он слабо отражен в письменной практике и не обладает строгим стандартом: французский же язык представлен в книгах, газетах, в школе, на радио и т.п. Свой язык в сравнении с французским они квалифицируют как грубый, деревенский. И все же окситанцы гордятся своим языком, находят его эстетически и экспрессивно замечательным, обнаруживают в нем отражение своей традиционной культуры, видят в нем средство культурной и этнической идентификации, отличной от французской.

Окситанский язык на Юге Франции подвергается сильному влиянию французского, в связи с чем здесь сложилась специфическая форма речи, называемая франситанским языком (*francitan = français + occitan*). В свою очередь во французском языке Окситании также формируется большое количество местных особенностей. Эту региональную форму речи в отличие от франситанского языка называют окситанским французским языком (*français d'oc*). П. Созе замечает: систематическое произношение слова *raime* «ладонь» как *romme* «яблоко» – это признак окситанского варианта французского языка, а стилистическое употребление слова *escagasser* «наказывать, бить кого-л.» – это признак франситанского языка. Существование окситанского региолекта французского языка и франситанского языка способствует лучшему взаимопониманию франкофонов и окситанофонов, помогает лучшим образом изучать окситанцам стандартный французский язык, а французам – окситанский. Французский региолект пользуется особым уважением со стороны окситанцев. Пользованием им в обычной обстановке приветствуется больше, чем на стандартном варианте французского языка, особенно в южных районах Окситании. Тем не менее, этот южный акцент постепенно исчезает среди горожан, особенно в среде окситанской интеллигенции. Таким образом, на Юге Франции имеет место не застывшая система языков и диалектов, а ак-

тивная эволюция сложной многоярусной диглоссии, где местному субстрату оказывается всемерная поддержка, а суперстрат, в свою очередь, развивается в довольно благоприятных условиях стандартного и региолектного существования его форм. Тем не менее, ситуация остается подвижной. Ее нестабильность обуславливается тем, что в сложных условиях интерференции стандартный французский язык все более проникает в область окситанского языка и нормой становится форма регионального варианта, способная заменить французский стандарт. В то же время региональный французский язык находится в конкурентной оппозиции к франситанскому языку. Как замечает П. Созе, в этой борьбе постепенно побеждает окситанский французский язык, а франситанский отстывает. В то же время между окситанским французским и франситанским языками наблюдается мощное взаимодействие, способное привести к гибели одной из них и к формированию на этой основе единой креолизованной формы речи. Что же касается собственно французского и окситанского языков, то на Юге страны они продолжают свое свободное функционирование в среде окситанцев, которые постепенно превращаются во франкоокситанцев [См. *Sauzet 1987*, 228].

Данная модель в определенной степени иллюстрирует общую схему развития языковой ситуации на всей территории Франции: французский язык под влиянием региональных языков и диалектов преобразуется в серию региолектов (включая парижский региолект французского языка), в то время как региональные языки в той или иной степени сближаются с французским языком, а диалекты формируют особые ассимилированные формы прежде чем окончательно исчезнуть как самостоятельные образования. Так происходит создание во Франции диглоссии языковых состояний от французского к региональным языкам и диалектам через их взаимно ассимилированные переходные формы.

Как было сказано выше, старопровансальский язык, из которого произошел окситанский, представлял в свое время развитую языковую форму и употреблялся в самых высоких сферах общения: не только в поэзии и прозе трубадуров XII – XIII в., но и в хартиях, административно-юридической переписке и т.п. До XV в. включительно окситанский язык широко использовался в письменной сфере вместо латинского языка. Однако в XVI в. во всех южных провинциях окситанский язык в письменной сфере стал насильно заменяться французским. Самые поздние тексты, записанные на окситанском языке относятся к 1620 г. Дольше всех сопротивлялся гасконский вариант окситанского языка. В провинции Беарн на нем писали до 1789 г. [См. *Sabille 2000*,

37]. Вследствие таких событий окситанский язык стал терять свой статус языка и превращаться в диалект.

В период между серединой XV и серединой XVI в. в отдельных районах Юга Франции стал возрождаться интерес к поэтическому творчеству. Однако к тому времени окситанская письменная традиция была утрачена и авторы поэтических произведений пользовались индивидуальными часто францизированными системами письма.

В начале XIX в. здесь вновь возродился интерес к старопровансальской культуре и языку. Стали появляться публикации, посвященные творчеству трубадуров, в произведениях местных писателей возрождались старые, когда-то популярные литературные направления. Этот интерес особенно поддерживался стараниями и собственным творчеством провансальского поэта Фредерика Мистралья (1830 – 1914 гг.) и редактора авиньонской газеты *La Commune* Жозефа Румания (1818 – 1891 гг.).

Начало возрождения провансальской литературной традиции относится к 1854 г., когда в Провансе была создана литературная школа поэтов и писателей под названием «Фелибридж». Фелибристы стали издавать свой орган *Almanach provençal*, реформировали провансальскую орфографию, пересмотрели и обогатили лексику провансальского языка. Ф. Мистраль в 1859 г. принялся за составление словаря, первые части которого вышли в 1879 г. под названием *Tresor dou Felibridge ou Dictionnaire provençal-français*. Ж. Руманий был известен своими веселыми рассказами и сказками, публиковавшимися в «Провансальском альманахе». Творчество фелибристов вызвало большой интерес к провансальской литературной культуре и творчеству со стороны многочисленных поэтов, пишущих на окситанском языке (Феликс Гра, Поль Арэн и др.).

Однако движение Фелибридж не смогло создать в XIX в. единого литературного окситанского языка южной Франции. Как считает Н.А. Шигаревская, причиной тому явилась не только диалектная дробность окситанской речи, но и наличие серьезных политико-экономических проблем, обусловленных шестивековым доминированием французского языка над окситанскими формами речи [См. *Шигаревская 1984*, 238 – 239]. Серьезной причиной тому было также взаимное соперничество двух направлений в этом движении: Движение Фелибридж, ориентированное на возрождение провансальской культуры, и Общеокситанское движение, заботившееся о культурном развитии всего окситанского региона.

Сегодня окситанский язык преподается в общеобразовательных школах и в университетах Тулузы, Эксе, Монпелье и Бордо. Здесь он

представлен не только как общеобразовательный предмет, но и как объект внимательного научного исследования.

Франко-провансальский

Франко-провансальский язык представляет собой вариант романской речи, сформировавшийся на территории Галлии. Районом его распространения являются Савойя, Французская Швейцария, Долина Аосты.

В 1873 г. итальянский диалектолог обратил внимание на то, что на востоке галло-романского ареала романская речь имеет общую с северными диалектами согласную [ʃ]: *chanter* (фр.) и *chantar* (фр.-пров.) и общую с южной разновидностью речи гласную [a] под ударением в словах типа *cantar* (пров.) и *chantar* (фр.-пров.). У франко-провансальского диалекта имеются и другие черты, отличающие его от диалектов *langue d'oïl* и *langue d'oc*. Но в основном его специфика связана с теми фонетическими особенностями, которые характерны для раннего состояния диалектов *langue d'oïl* [См. подробнее Клоков 2009, 15 – 18].

Восточную форму речи Г. Асколи назвал франко-провансальской, потому что она имеет общие черты как с французским, так и с провансальским языком, но в то же время отличается от того и от другого. Таким образом, франко-провансальский регион был определен исключительно по языковому признаку. На его территории никогда не было сплоченности между соответствующими группами населения Франции, Швейцарии и Италии. По этой причине франко-провансальцы до сих пор осознают себя прежде всего жителями отдельных небольших территорий, а не членами единого национально-языкового сообщества. Ж. Тюайон так описывает ситуацию диалектной дробности франко-провансальского языка:

Здесь никогда не предпринималось попыток к языковой унификации. Франко-провансальский регион состоит из столько говоров, сколько имеется коммун, то есть базовых социо-политических формирований, сгруппированных вокруг церковного здания, храма или другого общего здания, то есть вокруг объектов материального или духовного достояния <...> [Tuailon 1987a, 190].

Во Франции франко-провансальский диалект присутствует в департаментах Луара, Рона, а также почти на всей территории департамента

Изер, на крайнем севере департамента Дром и на юге департамента Дуб. В Швейцарии он встречается в кантоне Женева, а также в Лозанне, частично в кантонах Фрибур, Невшатель и Во. В Италии франко-провансальский диалект присутствует в Долине Аосты (на восточном склоне горы Сени). Однако межгосударственное единство франко-провансальского языка существует только в представлении лингвистов, сами же носители этой формы речи не осознают себя представителями единой языковой зоны, располагающейся на территории трех стран.

Уже в XIII в. на франко-провансальском языке появились письменные тексты, но в основном средством письменного общения для франко-провансальцев служили поначалу латинский, а затем французский язык. Тем не менее, в XVI в. в районе Лиона и Женева на франко-провансальском языке тексты писались так же часто, как и на французском. На франко-провансальском часто писали хроники из жизни герцогов Савойских.

Французский язык в Швейцарию был завезен из Франции в XII в. Главная задача, которую он был призван решить на новом месте, состояла в вытеснении из письменной сферы латинского языка. Замена французским языком латыни происходила медленно и завершилась только к XVII в. При этом не во всех регионах это произошло одновременно. В кантоне Вале, например, тексты на латинском языке писались даже в конце XVII в. [См.: *Knecht 1985*, 157].

Во французскую часть франко-провансальского региона французский язык был импортирован позднее, чем во Французскую Швейцарию, но его начальное распространение совершалось здесь также медленно, как в Швейцарии. Ж. Тюайон замечает, что только после принятия известного ордонанса Франциска I в 1539 г. и декрета Эммануэля-Филибера Савойского в 1561 г. французский язык стал широко распространяться в данном регионе и активно вытеснять из юридической сферы латинский язык. В то же время французский язык стал пользоваться поддержкой со стороны католических и протестантских священников, так что большое число савойцев должны были знать в то время французский язык хотя бы пассивно.

Вытеснение диалекта происходило в ситуации билингвизма и диглоссии, при этом французский язык расширял свое присутствие в высших коммуникативных сферах, а диалект замыкался в сфере бытового общения. Для франко-провансальцев французский язык постепенно стал языком праздничных и выходных дней, а франко-провансальский диалект – языком будничной жизни. Особенно активно французский язык осваивала образованная элита общества. На протяжении трех последующих столетий французский язык продолжал

распространяться в регионе. Но даже в конце XIX в. франко-провансальский язык употреблялся довольно широко, причем не только в сельской местности, но и в крупных городах.

Когда же в конце XIX в. во Франции был принят закон об обязательном образовании, французский язык начал мощное наступление на франко-провансальскую речь местных жителей. Во времена III Республики задача состояла в том, чтобы быстро повысить уровень грамотности населения страны, ибо считалось, что диалекты являются врагами французского языка и чтобы хорошо владеть французским языком, от диалектов надо было обязательно отказаться. Так, франко-провансальцы, стали через школу осваивать официальный литературный язык французского государства и пренебрегать родным языком [См. *Tuillon 1987a*, 200 – 2002].

Дети, которые в конце XIX в. стали изучать в школе французский язык, осваивали его с трудом. Особенно тяжело учение давалось детям в сельской местности, так как этот язык был почти незнаком не только им, но и их родителям, а школьные учителя, в свою очередь, его также знали плохо и не могли научить детей правильной французской речи. Надо учесть также, что французский язык франко-провансальцев в значительной степени был подвержен влиянию их родной формы речи. Именно в таких условиях происходило замещение франко-провансальского языка на французский. Как отмечает, Ж. Тюайон, в районах, где активное обучение французскому языку началось в конце XIX в., франко-провансальский язык был полностью заменен на французский к 1950 г.

В тех регионах, где обучение французскому языку задержалось, процесс смены языков начался только после Первой мировой войны. Вернувшиеся с войны франко-провансальцы имели неплохие армейские знания французского языка и стали в свою очередь заставлять своих детей учить французский язык в школе.

В настоящее время во Франции, несмотря на сильную францизацию, все же имеется немало франко-провансальцев, которые пользуются традиционной формой речи, но в основном в качестве второго языка и только в бывших провинциях Савойе, Лионне и Дофине.

В некоторых савойских коллежах программы предусматривают изучение особенностей франко-провансальской культуры (изучение искусства разведения скота в альпийских горах, локальной топонимики, местных традиционных костюмов и проч.). Франко-провансальский язык преподается далеко не везде, но все же в школах обращается внимание на те франко-провансальские слова, которые сохранил местный вариант французского языка. Если в каких-либо учебных заведе-

ниях и происходит глубокое изучение франко-провансальского языка, то лишь факультативно. Такая школьная сдержанность обусловлена действием закона Дексона, запрещающего свободно преподавать в школе ряд региональных языков.

В условиях разобщенности существуют немногочисленные межнациональные общественные организации, связанные с традициями франко-провансальской культуры. Благодаря им каждый год франко-провансальцы Франции, Швейцарии и Италии устраивают совместные праздничные встречи и общаются на родном языке. Встречи проходят поочередно в каждой из трех стран. В 1979 г. в г. Альбервилле международная ассоциация «Друзья говоров» создала графику для франко-провансальского языка, получившую название «конфлянское письмо» (*graphie de Conflans*). В основу этой графики положены фонетический и фонологический принципы. Позднее появились другие проекты единого франко-провансальского письма [См. *Stich 1998; Berthet 1982*].

Каталанский

Каталанский язык принадлежит к группе романских языков. Его формирование связано с развитием в Средние века языковой ситуации на Пиренейском полуострове, где образовалась особая группа диалектов романской речи. На их специфическое формирование важное влияние оказал иберийский субстрат, то есть язык иберов, которые, как считается, в начале III тысячелетия до н.э. прибыли на Пиренеи из Африки. Предполагается, что позднее на Пиренейский полуостров проникли также кельты, но их влияние на романские формы речи здесь оказалось минимальным.

К завоеванию Пиренейского полуострова римляне приступили в III в. до н.э., то есть значительно раньше, чем к захвату Галлии. Впрочем, завоевание полуострова длилось довольно долго (на протяжении более 200 лет), что стало причиной разного уровня романизации в различных его регионах:

Разное время захвата отдельных частей полуострова, неравномерное распределение городских центров, различия в рельефе местности (наличие горных, труднодоступных районов) обусловило одну из наиболее существенных особенностей романизации Пиренейского полуострова – неравномерность ее темпов. Наиболее интенсивной и глубокой она была на юге Испании и Бетике. Медленнее всего римское влияние проникало на тер-

ритории, в течение длительного времени оказывавшие Риму сильное сопротивление. Неравномерность темпов романизации, возможно, является одной из причин образования на Пиренейском полуострове нескольких романских языков [Алисова, Репина, Таривердиева 1987, 49].

Большое значение для формирования романских языков на Пиренейском полуострове имел арабский адстрат, связанный с длительной арабской оккупацией, начавшейся в VIII в. и продлившейся восемь веков до 1492 г. Однако уже в X в. началось отвоевание завоеванных арабами территорий и на освободившихся землях стали появляться независимые государства Испании. На северо-востоке выделилось государство Каталония, в состав которого входило несколько графств, главным из которых было графство Барселонское. В XII в. Каталония объединилась с соседними государствами Арагон и Валенсия, которые сформировали таким образом единое королевство Арагонское. Совместно с другим крупным государством Кастилией Арагон вел длительную и трудную борьбу против арабского присутствия на Пиренеях.

На территории Арагона и Кастилии постепенно складывались две основные формы романской речи: каталанская и кастильская. Кастильский язык впоследствии стал испанским языком, самым распространенным языком романской речи в мире. В 1659 г. по соглашению, подписанному между Францией и Арагоном, небольшая часть территории на севере Каталонии (в исторической местности Руссильон) была аннексирована Францией. Она до сих пор находится в составе французского департамента Восточные Пиренеи, где проживает около 350 тыс. жителей. В качестве родной формы речи многие из них пользуются каталанским языком.

На Пиренейском полуострове каталанский язык сегодня распространен в Испании, Франции и в государстве Андорра. Во всех этих странах он является родным для около 8 млн. человек. В Испании на нем говорят в провинциях Каталония и Валенсия, а также на Балеарских островах в Средиземном море. В Испании и Андорре каталанский язык является официальным, во Франции он таким статусом не обладает. Каталанский язык присутствует также на небольшой территории острова Сардиния.

Каталанский язык имеет две группы диалектов: восточную (барселонский, балеарский, руссильонский и альгерский диалекты) и западную (лириданский и валенсийский диалекты) [См. *Лингвистический энциклопедический словарь 1990*, 215]. Различия между западной и восточной разновидностями каталанской речи касаются произ-

ношения, морфо-синтаксиса и лексики [См. подробнее *Bernardo 1987*, 133 – 135].

Руссильонская разновидность каталанской речи во Франции принадлежит к восточным диалектам каталанского языка. Тем не менее, сам каталанский язык изначально формировался в лоне окситанского языка и достиг высокого развития в период расцвета старопровансальской культуры, созданной трубадурами в XII в. В XIII в. каталанский язык был «разлучен» с провансальской культурой и с окситанским языком, попав под влияние Испании и испанского языка. Присоединение Руссильона к Франции в XVII в. вновь сблизило каталанский язык на этой территории с языком южных жителей Франции. В Испании же он продолжает находиться в орбите влияния испанского (кастильского) языка и сохраняет в себе ряд его особенностей. Такое положение каталанского языка дало некоторым романистам повод отнести каталанский язык к особой галло-иберской разновидности речи [См. *Гак 1986*, 112].

Кроме окситанского влияния, каталанский язык в Руссильоне испытывает естественное воздействие со стороны французского языка. Д. Бернардо говорит о трех основных фазах францизации каталанской культуры и каталанского языка:

– ассимиляция крупной каталанской буржуазии, которая после присоединения к Франции вынуждена была переориентировать свои экономические интересы с испанских районов на французские и осваивать для этого французский язык;

– ассимиляция средних слоев каталонцев, которые, в свою очередь, стали ориентироваться на богатых офранцузенных каталонцев и вести себя так, как ведет себя местная элита. В то же время средние слои каталонцев во Франции стали посещать католические школы, что стало причиной полной ассимиляции многих из них. Что же касается простых народных масс, то на данном этапе францизация их не коснулась;

– ассимиляция путем школьного образования, которое во Франции, как известно, дается на французском языке. После принятия в конце XIX в. общереспубликанского закона Жюль Ферри, образованием было охвачено большинство населения Руссильона. Последовавшая после этого широкая интеграция каталонцев в экономическую жизнь Французской республики, а также привлечение их к участию в двух мировых войнах значительно усилили процесс францизации каталонцев [См. *Bernardo 1987*, 138 – 139].

В связи с описываемой эволюцией социальных процессов в Руссильоне следующим образом развивалась языковая ситуация:

– на начальном этапе каталанский монолингвизм был заменен диглоссией «каталанский и французский языки» без франко-каталанского билингвизма. В этой ситуации, с одной стороны, существовали группы граждан, пользовавшихся только французским языком, а с другой – группы граждан, пользовавшихся только каталанским языком;

– позднее стали формироваться франко-каталанский билингвизм и франко-каталанская диглоссия, при которых в Руссильоне появились граждане, одновременно пользовавшиеся каталанским и французским языками, занявшими свои особые сферы приложения в общественной жизни региона;

– развитие руссильонской литературы и литературной нормы каталанского языка (в ее барселонском варианте), что привело к созданию диглоссии «литературный каталанский язык – руссильонский диалект»;

– на современном этапе развивается тенденция к установлению французского монолингвизма, который тормозится действием рядом современных факторов.

Франко-каталанский билингвизм в настоящее время поддерживается следующими процессами, происходящими в жизни каталанского общества:

– сохранение каталанского языка в сельской местности и в тех группах городского населения, которые появляются в результате иммиграции в Руссильон каталонцев из Испании;

– ориентация некоторых групп населения на патриархальные представления о важности традиционных ценностей в культуре каталонцев, что проявляется в стремлении детей и взрослых изучать каталанский язык;

– бурное развитие каталанской художественной литературы;

– развитие нео-каталанского движения среди некаталонцев, решивших освоить каталанскую культуру и вместе с исконными каталонцами помочь ей выжить и сохраниться.

Защита каталанской культуры и языка стала особенно эффективной с принятием закона Дексона, благодаря которому были открыты каталанские начальные и средние школы и классы для взрослых. Каталанский язык во Французской Каталонии стал, таким образом, языком широкого устного и письменного использования в частном и общественном секторе. Кроме школьного образования, каталанский язык в Руссильоне используется на дорогах, на транспорте, в банках и т.д.

Таким образом, на сегодняшний день во Французской Каталонии существует своеобразная диглоссия: французский язык (в публичном и

официальном общении), нормированный каталанский (в преподавании и литературе), руссильонский каталанский (в повседневном общении) [См. *Gak 1986*, 113].

Как указывает Ж. Сабий, согласно опросам, проведенным в 1997 г., 54% жителей французского департаменте Восточные Пиренеи понимают каталанский язык, а 34% умеют говорить на нем. Эти цифры расходятся с результатами такого же опроса, проведенного в этом же регионе в 1993 г.: от 64 до 45% каталонцев понимают каталанский язык, а от 48 до 34% могут говорить на нем [См. *Sabille 2000*, 42].

С 1984 г. каталонцы стали активно бороться за предоставление каталанскому языку в Руссильоне официального статуса наравне с французским. Однако проблема остается не решенной главным образом из-за позиции центральных властей Франции, которые пока не готовы нарушить мононациональный характер французского государства.

Корсиканский

Остров Корсика представляет собой один из 26 регионов Франции. На нем проживает 272 тыс. чел. (данные за 2004 г.). Больше половины населения располагается в прибрежной зоне, главным образом в городах Бастии и Аяччо. Родной формой речи корсиканцев является местный вариант итальянского языка, который корсиканцы считают самостоятельным языком и называют корсиканским. По опросам, осуществленным в 1995 г., из 250 000 чел., проживающих на острове 81% утверждали, что понимают корсиканский язык, 64% говорят на нем, 75% читают. [См. *Sabille 2000*, 33]. Этот язык используется в быту, в религиозно-церковной жизни, в образовании, в средствах массовой информации, в школе. В корсиканском языке различают два диалекта: северный, который близок к генуэзской и тосканской формам речи, и южный, который родственен итальянскому языку, распространенному на соседнем острове Сардиния. Корсиканский язык распространен на всей территории острова, за исключением г. Бонифация, жители которого традиционно говорят на генуэзском варианте итальянского языка.

Французский язык является официальной формой речи на острове и используется главным образом в административной сфере и в школьном образовании. В бытовом общении корсиканцев французский язык представлен слабо, причем только в крупных городах.

В состав Франции Корсика вошла в 1768 г., когда ее французское королевство получило за долги от Генуи. До этого с VI в. до н.э. на острове жили высадившиеся на него греки. В дальнейшем, в IX – XI вв., Корсика попала под власть арабов, но затем была отвоевана у них гену-

эзцами. Ко времени перехода под французскую корону все корсиканцы говорили на корсиканском языке, представлявшем местный вариант разговорного итальянского языка. Однако образованная и зажиточная элита знала не только корсиканский язык, но и говорила и писала на тосканском варианте литературного итальянского языка. Со своей стороны, простые корсиканцы также умели общаться на тосканском языке, особенно в религиозной сфере и даже писали на нем поэтические произведения. Таким образом, обе разновидности итальянского языка довольно мирно уживались друг с другом и составляли на Корсике сбалансированную диглоссию, в которой тосканский язык употреблялся в публичной (официальной и литературной) сфере, а корсиканский язык – в бытовой. Итальянские лингвисты XIX в. видели в корсиканском языке воплощение самого чистого диалекта итальянской речи и старались изучать его особенности с целью возродить в итальянцах интерес к своей истории и к культуре Возрождения.

В середине XIX в. на Корсику стало оказываться сильное давление со стороны Франции. Начиная с 1850 г. французские власти приступили к проведению политики ассимиляции населения, в связи с чем корсиканский язык на острове был отлучен от своей литературной формы и стал переживать упадок. Тем не менее, францизация острова затронула лишь незначительную часть корсиканцев. К тому же на острове стало зарождаться движение за нормализацию письменной формы корсиканского языка и за широкое использование ее в качестве литературно-письменного языка. Эта задача к 1970-ым годам была в полной мере выполнена. Как считает Ж. Тьер, именно борьба корсиканцев против францизации позволила корсиканскому языку противостоять тосканской ассимиляции и сохраниться в качестве самостоятельной формы речи [См. *Thiers 1987*, 151 – 152].

Впрочем, сопротивление французской ассимиляции было подхвачено не всеми корсиканцами. Многие из них были готовы отказаться от своей традиционной культуры и в полной мере принять официальную французскую культуру. Так на острове вместо тоскано-корсиканской установилась франко-корсиканская диглоссия, в которой корсиканский язык постепенно вернулся в сферу бытового общения, а официальным и публичным языком вместо тосканского стал французский язык. Не только состав, и сам тип диглоссии изменился: на смену равномерной и стабильной тоскано-корсиканской диглоссии пришла несбалансированная диглоссия французского и корсиканского языков, конфликтный характер которой со временем только усугублялся. Народные массы, в недостаточной степени осваивавшие фран-

цузский язык, все дальше удалялись от сферы официального и письменного общения.

Главным образом устный характер контакта корсиканского и французского языков стал причиной глубоких преобразований как того, так и другого. Корсиканцы постепенно забывали литературную форму родной речи и в то же время плохо осваивали литературный французский язык. В настоящее время в быту они предпочитают пользоваться разговорным корсиканским, но не французским языком, к которому у них складывается недоверчивое и даже глумливое отношение. В связи с тем, что в школе французский язык изучается исключительно в письменном варианте, на острове имеется немного билингов, хорошо знающих французский разговорный язык, который к тому же плохо адаптирован к местным условиям.

В подобных функциональных условиях на острове стала формироваться особая креолизованная форма общения. Ее образование является результатом приспособления французского языка к реальным коммуникативным потребностям корсиканцев. Их усредненная форма речи часто искажает синтаксические и морфологические модели французского языка, изменяет его произношение, вносит в него значительный слой корсиканской лексики. Одновременно здесь рождается в значительной степени францизированная форма корсиканского языка, со своей стороны отмеченная фонетическими, морфосинтаксическими и лексическими элементами французского языка. Собственно говоря, в настоящее время именно между этими двумя формами речи и происходит коммуникативный контакт, дающий начало корсиканскому диалекту французского языка.

Ж. Тьер так описывает особенности данной коммуникативной ситуации:

Бытовое общение здесь представляет собой цепочку высказываний, где переплетаются неравной длины фрагменты, заимствованные из разных языковых вариантов. Речь корсиканцев протекает в зоне между корсиканским и французским языками. Это место, где сознательно или невольно заимствуются кальки, проявляется интерференция и случаются речевые перебои. Можно было бы сказать, что общение корсиканцев происходит в условиях постоянной дисфункции, если бы только в этом феномене речевого чередования не виделось бы проявление экспрессивности и даже языковой игры [*Thiers 1987, 153*].

В то же время Ж. Тьер отмечает, что при массовом развитии итальянского туризма на Корсике наблюдается возрождение итальянского языка. Следствием этого становится заимствование корсиканским языком многих новых итальянских слов.

Исследователи отмечают, что свободное развитие корсиканского языка мешает его нормализации и, следовательно, окончательному укоренению его в престижных коммуникативных сферах, особенно в школьном преподавании, где присутствие стандартного французского языка не позволяет корсиканскому языку в полной мере претендовать на роль языка обучения. Тем не менее, развитие традиционной художественной литературы на корсиканском языке приносит свои положительные результаты, увеличивает возможности корсиканского языка служить населению средством этнической идентификации.

Впрочем, в современных условиях национальное единство корсиканцев все более размывается. На острове отмечается довольно высокий уровень эмиграция населения: люди все чаще ищут экономического благополучия в континентальной Франции. С другой стороны, происходит иммиграция на остров французов с континента. Сопротивление этим процессам лежит в основе развития на Корсике движений за регионализацию, национализацию и автономию. А это, в свою очередь, является базой для повышения значения корсиканского языка среди населения. В то же время остров переживает период модернизации своей жизни. Урбанизация и переселение корсиканцев из глубин острова в крупные прибрежные города уничтожает традиционную культуру, а вместе с ней и корсиканский язык.

Корсиканский язык сегодня широко представлен в религиозной сфере. Литургии и песнопения в церкви совершаются как на латинском, так и корсиканском языках.

В политической жизни корсиканский язык нередко слышится в выступлениях высших региональных политических деятелей, особенно среди тех, кто придерживается националистских и сепаратистских взглядов. Политические лица с лояльными по отношению в Франции взглядами стараются говорить по-французски. Напротив, среди населения на местах политическая жизнь осуществляется главным образом на корсиканском языке, а французский используется для чтения официальных документов.

В школу корсиканский язык был введен в 1974 г. на основании довольно запоздалого применения положений закона Дексона. По свидетельству Ж. Тьера, в 1984 – 1985 гг. в Корсиканском университете обучалось 176 студентов по специальности «корсиканские исследования». Часть дисциплин здесь преподается на корсиканском языке; причем

преподавание на корсиканском языке осуществляется частично и на других специальностях и в других высших учебных заведениях Корсики. С 1982 г. на острове корсиканский язык преподается также в начальной и средней школе [См. *Thiers 1987*, 159]. В настоящее время его преподают в университетах Франции: в Париже, Ницце и Эксе.

Фламандский

Фламандский язык является диалектом нидерландского языка, принадлежащего к западной подгруппе германских языков. В своей литературной форме нидерландский язык распространен в Бельгии, Нидерландах и Люксембурге. Исторически нидерландский язык сформировался в Средние века на основе племенных диалектов салических франков (западного варианта древненижнефранкского языка), взаимодействовавших с фризскими и саксонскими диалектами [См. *Лингвистический энциклопедический словарь 1990*, 333].

В V в. нидерландский язык был завезен в Бельгию, когда после распада Римской империи север бельгийской территории был оккупирован салическими франками, переселившимися из германоязычного ареала, а юг Бельгии, называемый Валлонией, оставался романоязычным. Область расселения франков стала охватывать огромные территории сегодняшних Нидерландов и Бельгии и делиться на Нидерланды на востоке и Фландрию на западе. Слово Фландрия впервые появилось в IX в. как название графства в составе Западнофранцузского королевства, ставшего одним из трех государств, образовавшихся в 843 г. после распада Империи Карла Великого. Первые письменные тексты на нидерландском языке появились в XII веке. Письменная практика развивалась главным образом в процветающих городах на юге Фландрии. С развитием типографского дела в Антверпене местная форма речи стала распространяться по другим нидерландским и фламандским территориям. В XVI в. важную роль в культуре страны стала играть провинция Голландия. Именно здесь в то время была создана всеобщая форма нидерландского литературного языка.

Параллельно с литературной формой существовали устные диалекты нидерландского языка. Диалекты, распространенные в нидерландской провинции Голландия, называются голландским языком, другие диалекты нидерландского языка в Нидерландах и Фландрии объединяются под общим названием фламандский язык.

В XVI в., после того как в Нидерландах утвердился протестантизм, а Бельгия продолжала оставаться католической, обе территории оказались разделенными. Нидерланды обрели независимость, а Бельгия с

Фландрией и Валлонией в своем составе попала под испанское правление.

В период между 1669 и 1678 гг. значительная часть Фландрии была аннексирована Францией и начавшаяся задолго до этого францизация элиты фламандского общества усилилась. В 1713 г. французы окончательно расположились в узкой полосе департамента Нор-Па-де-Кале и некоторой части департаментов Эсн и Сом, граничащих с Бельгией. В результате этого французский язык стал здесь официальной формой общения и постепенно вытеснил из этой сферы латинский язык. Систематизированной францизации фламандское население подверглось с самого начала французской оккупации. Тем не менее, офранцузенные фламандцы долгое время сохраняли свой родной язык не только в быту, но и в административных делах. После Французской революции новая власть усилила давление на национальные меньшинства в стране. Ассимиляция фламандцев особенно заметной стала после 1795 г., когда Франция полностью завладела вначале Бельгией, а затем Нидерландами [См. подробнее *Клоков 2007а*, 49 – 56].

Для фламандского языка эта кратковременная французская оккупация Бельгии в 1795 – 1815 гг. оказалась роковой. Во фламандской части учителя начальных классов вынуждены были преподавать не столько на фламандском, сколько на французском языке. Чтобы иметь право на преподавание французского языка они обязаны были сдавать специальный экзамен. В конечном итоге в средних и высших учебных заведениях обучение стало вестись исключительно на французском языке. В сфере административных дел и в судопроизводстве политика францизации также носила жесткий характер: официальные документы составлялись только на французском языке, обращения в суд и выступления в суде совершались также только по-французски. Не только французская, но и бельгийская Фландрия стала составной частью Франции, где фламандский язык был запрещен и перестал использоваться. Сопrotивление фламандцев ассимиляционным процессам в довольно жесткой форме подавлялось французами.

В 1815 г. Бельгия была освобождена, и фламандский язык вновь стал употребляться отдельно на двух территориях – в Бельгии и во Франции. В Бельгии в 1815 г. фламандский язык был провозглашен официальным языком, но в ходе революции 1830 г. ведущие позиции в стране занял французский язык, хотя более половины бельгийцев в то время его не знали, что стало причиной развития мощного движения в защиту фламандской культуры и фламандского языка в стране. В 1898 г. фламандский язык в Бельгии был объявлен официальным наряду с французским.

Что касается фламандского языка во Франции, то его судьба была более суровой, чем в Бельгии. В 1850 г., согласно принятому закону, во Франции было категорически запрещено использовать в школе языки национальных меньшинств, и в 1853 г. руководство департамента Нор, в соответствии с этим законом, официально запретило обучение на нидерландском языке. К тому же Французская Фландрия не получала от Франции институционального статуса в ее составе, а нидерландский и фламандский языки практически были запрещены. Подобное отношение нанесло сильный удар по фламандскому диалекту во Франции. На протяжении XIX в. он все еще сохранялся среди населения: в начале XX в. на нем, по крайней мере, изъяснялись рыбаки, занимавшиеся морским промыслом.

Ж.-М. Труй приводит следующий перечень основных причин исчезновения фламандского диалекта на территории Франции.

Прежде всего, он как язык, находящийся в оппозиции к официальному языку, стал маргинальным. Более того, фламандский язык был вытеснен из школы, где единственным средством обучения стал французский. По социально-экономическим причинам французский язык превратился в язык доминирующего класса. Индустриализация и развитие современных средств коммуникации привели к росту городского населения, в то время как сельское население, пользовавшееся в основном фламандским языком, значительно сократилось [См. *Trouille 2000*, 53 – 54].

Фламандский язык во французской Фландрии сохранялся на протяжении более двух веков, что объясняется, прежде всего, близостью к бельгийской Фландрии, постоянными пограничными контактами с этой территорией (возможностью фламандцев работать в соседнем государстве, отдавать детей на обучение во фламандскую школу), посещением французской Фландрии бельгийскими туристами и т.д. Французские фламандцы проживали в основном в сельской местности, не были склонны переселяться в города и оставались жить на значительном удалении от промышленных центров. Наконец, большую роль в защите фламандской речи играла католическая церковь. Ее священники хорошо владели фламандским языком, писали и проповедовали на нем в церкви и даже преподавали его местному населению.

В настоящее время фламандский язык во французской Фландрии практически отсутствует в средствах массовой информации: в газетах, на телевидении и на радио. Но в школе его еще можно обнаружить. Как свидетельствует Ж. Сансен, согласно закону Дексона от 1951 г., по которому во Франции преподавание на иностранных языках запрещалось, до 1981 г. не было никаких признаков официального преподава-

ния фламандского языка. Однако неофициально и даже подпольно курсы фламандского языка и фламандской культуры были организованы в некоторых коллежах французской Фландрии. Только после выхода в свет правительственного постановления Савари от 1982 г., в котором не подтверждались положения закона Дексона, в коллежах официально стали организовывать занятия по фламандскому языку. Фламандский язык стал также преподаваться в Нормальной школе г. Лилля, но в 1984 г. этот курс был ликвидирован. Отсутствие университетского образования по данному предмету, конечно, мешает развитию преподавания фламандского языка в начальной и средней школе. [См. *Sansen 1987*, 180 – 181]. Как замечает Ж. Сабий, в настоящее время в регионе отмечается повышение интереса у изучению стандартного нидерландского языка [См. *Sabille 2000*, 31].

По свидетельству Ж. Сансена, в 1982 г. во Французской Фландрии проживало около 380 тыс. человек, среди которых далеко не все считались коренными фламандцами. В этом промышленно развивающемся регионе Франции проживает много иностранных иммигрантов и французских граждан, переселившихся в свое время из разных районов страны. Последние данные о количестве говорящих на фламандском языке во французской Фландрии относятся к 1967 г. Они свидетельствуют о том, что число носителей фламандского языка на французской территории катастрофически сократилось. Как утверждает Ж.-М. Труй, в 1999 г. в округе Дюнкерк Северного департамента на границе с Бельгией существовал лишь небольшой диалектный очаг, в котором проживали двуязычные (франко-фламандские) граждане пожилого возраста [См. *Trouille 2000*, 49].

Фламандский язык во Франции в значительной степени отличается от литературного нидерландского языка. Для фламандского здесь была разработана письменность, в основе которой лежит нидерландское письмо, но с необходимыми преобразованиями для более адекватной передачи фонологических и грамматических особенностей фламандской речи.

Ж. Сансен отмечает некоторые особенности французской речи, связанные, по его мнению, с влиянием фламандского субстрата. Например, фламандские школьники, даже не зная фламандский язык, произносят следующие специфические фразы:

J'ai roulé un trou (Mon pneu a crevé).

Tu viens avec? (Tu m'accompagnes?).

Je l'ai pris avec (Je l'ai emmené).

J'ai dweelé la maison (J'ai passé la serpillière).

При этом автор замечает, что наблюдений подобного рода во французской лингвистической литературе практически не существует. Кроме того, Ж. Сансен обращает внимание на то, что на французскую речь в регионе сильное влияние оказал пикардский диалект романской речи, который был в свое время привнесен туда переселенцами из соседней Пикардии.

Бретонский

Бретонский язык (*brezhoneg*) является одним из немногих оставшихся вариантов когда-то широко распространенного в древней Европе языка кельтов. История бретонского языка во Франции хорошо известна. Во французскую Бретань эта форма речи проникла не в результате общего переселения кельтов в Западную Европу, а была в V – VII вв. завезена на территорию Арморики, то есть будущей Бретани, переместившиеся туда с Британских островов бриттами, прямыми потомками кельтов. Импортированный из Англии кельтский язык твердо укоренился в Бретани и не поддался романизации главным образом благодаря своему существованию на периферии романоязычного мира в Европе. В Лингвистическом энциклопедическом словаре говорится:

Бретонский язык – один из кельтских языков (бриттская подгруппа). Распространен на полуострове Бретань, куда в V – VII вв. мигрировала часть бриттских племен из Бретании. Число говорящих около 1 млн. чел. Выделяют 4 основных диалекта: леонский, трегьерский, корнуайский и ваннский, значительно отличающийся от трех других [*Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990, 76].

Бритты, переселившиеся с Британских островов, расселились в Арморике далеко не равномерно, большей частью в западной части полуострова, ближе к морю и дальше от континентальной территории. Однако в IX в. император франков Карл Лысый вынужден был уступить бретонцам значительную по площади романизированную территорию своего государства и к моменту последовавшего за этим установления политической границы бретонцы представляли собой две культуры, разделенные между собой по линии Дол – Геранд: кельтскую на западе и романскую на востоке. С тех пор численность бре-

тонцев, пользовавшихся кельтским языком, превышала число романоязычных сограждан в Бретани.

Впрочем, в XI – XII вв. бретонская аристократия стала осваивать романскую речь и растворяться в романской среде. С тех пор кельтский язык в Бретани стал терять свои социальные позиции и все более ограничивал свое присутствие только восточной частью Бретани. Последний суверен, пользовавшийся бретонским языком, был Ален IV Фержан, живший в XII в. Тем не менее, бретонский язык на территории независимого Бретонского герцогства существовал в значительной степени самостоятельно и считался официальным.

В XV в. Бретань была присоединена к Франции, и бретонский язык потерял самостоятельность. Сегодня граница между бретонским и французским языком проходит по линии Плуа и Ванн. Говоря о современной языковой ситуации в Бретани, В.Г. Гак уточняет:

<...> в Бретани различают две зоны: французскую Бретань, где господствует французский язык, а в сельской местности сформировался особый его говор «галло», и западную – Нижнюю Бретань, так называемую бретонскую Бретань (*Bretagne bretonnante*), где говорят по-бретонски. Последняя охватывает 600 коммун в департаментах Финистер, Морбиан, Кот-дю-Нор. <...> Бретоноязычная Бретань не представляет собой сплошного массива, это то, что французские диалектологи называют «дырявым ареалом» (*région à trous*). Среди сельских районов с бретонским языком вкраплены франкоязычные города – крупные и средние [Гак 1986, 115].

О национальных чертах бретонцев в представлении европейцев Ронан Ле Коадик пишет следующее:

Все те клише, из которых состоит сегодня стереотип бретонцев, происходят из Нижней Бретани – будь то круглые шляпы, прически, придорожные распятия, бретонский язык, «Праздник ночи» и иные черты кельтской культуры.

В то же время, как бы силен не был контраст, между обитателями Верхней и Нижней Бретани никогда не возникало конфликтов, подобных тем, какие происходят, например, в Бельгии между фламандцами и валлонами. Сегодня, когда вся Бретань говорит по-французски, лин-

гвистическая граница во многом утратила свое значение, но и тогда, когда она действительно являла собой препятствие, поскольку население по обе стороны границы не понимало друг друга (то есть приблизительно до второй мировой войны), она не была линией противостояния. В целом обитатели Верхней и Нижней Бретани, живя по соседству, почти не взаимодействовали между собой. <...> Бретонцев нельзя рассматривать, таким образом, ни как этническое меньшинство, ни как культурную общность, поскольку в Бретани сосуществуют две культуры. Бретань представляет собой общество, сложность которого иногда просто сбивает с толку [*Ле Кодиак 2005*].

Первые письменные памятники на бретонском языке относятся к VIII в. (известный трактат о медицине). В более позднее Средневековье в Бретани существовала своя бретонская литература, но наиболее значимые тексты относятся только к XVI – XVII вв. (религиозные произведения, включая театральные пьесы о жизни святых). В настоящее время бретонская литература богата большим разнообразием своих художественных жанров.

Во времена Французской Революции бретонский язык подвергся серьезному испытанию. Наряду с провозглашением лозунга «Свобода, равенство, братства» Республика фактически признала на своей территории неравенство народов и их языков.

Дискриминация региональных языков во Франции в XIX в. спровоцировала подъем в защиту национальных меньшинств. В момент заката эпохи классицизма в Европе это движение было проявлением общеевропейского интереса к народной культуре, к народному искусству, к народной речи. Бретонское возрождение явилось важной частью этого общеевропейского культурного движения. Французские власти особенно жестоко отнеслись к этому движению, к бретонскому народу, бретонской культуре и к бретонскому языку.

В конце XIX в. среди бретонцев стало обостряться чувство национального самосознания, но поначалу регионалисты довольствовались восхвалением красот своей «малой родины» как части «большой родины» (Франции). В 1898 они организовали Бретонский регионалистский союз. Его создание знаменует первый этап возрожденческого движения (*Emsav*). Как замечает М. Дени:

На протяжении всего этого времени центральная власть всячески поощряет отказ от бретонского языка (в школе и в армии его использование строго пресекается), и Париж высмеивает бретонцев и их язык. Этот взгляд со стороны порождает у бретонцев чувство стыда, которое способствует формированию негативной идентичности [Дени 2005].

В начале XX в. в Бретани появилась молодежь, которая захотела учить и знать свой родной бретонский язык, родную бретонскую культуру. Многие молодые бретонцы получали в университетах филологическое образование и вскоре создали современную бретонскую литературу на родном языке. Появилась бретонская пресса и периодические журналы для детей. Однако официального признания это движение не имело. Федеральные власти в то время особенно боялись развития сепаратистского движения.

После Первой мировой войны бывшие солдаты-бретонцы, обнаружившие свою языковую «отсталость» в период пребывания на фронте, стремились стать современными и согласились принять республиканскую модель языковой политики, стали широко пропагандировать на родине распространение французского языка, отвернувшись от наследия предков, предав таким образом свою культуру и свой язык.

Другие, вернувшиеся с полей сражений бретонцы констатировали продолжающееся равнодушие и пренебрежение государства к их малой родине и к ним самим, тем более что репрессивная политика Парижа часто выражалась жестко и открыто. В 1925 г. на открытии Павильона Бретани на выставке декоративных искусств в Париже министр народного образования Франции А. де Монзи провозгласил буквально следующее: «Ради языкового единства Франции бретонский язык должен исчезнуть» [Цит. по *Denez 1987*, 108].

Разочарованные бессилием регионализма и вдохновляемые, в то же время, примером ирландцев (который приобрел в Бретани широкую известность благодаря интересу к кельтскому миру), многие бретонцы провозгласили себя националистами. Их требования и способы их выражения постепенно радикализировались. Активные участники движения совершали террористические акты против символов французского государства (ими, например, был организован взрыв монумента, установленного близ здания мэрии Ренна и изображавшего герцогиню Анну Бретонскую, приносящую свою провинцию в приданое французской короне) и даже искали поддержки у Германии.

С началом Второй мировой войны в 1939 г. и во времена оккупации националистическое движение бретонцев было поддержано властями вишистского правительства оккупированной Франции.

Помня лишь о несправедливостях, в которых они обвиняли французское государство, и не отдавая себе отчета в том, чем могла бы стать гитлеровская Европа, некоторые активисты бретонского движения сотрудничали с оккупационным режимом в 1940-е годы, другие сделали ставку на региональную политику правительства Виши [Дени 2005].

Во время оккупации родной язык бретонцев стал преподаваться в начальных классах местной школы. Но после освобождения Франции в Бретани начались репрессии в отношении участников бретонского движения, многие из них были признаны пособниками немецких оккупантов и на долгие годы оказались дискредитированными. Бретонский язык был вновь выведен из системы школьного образования.

В 1950 г. число бретонцев, пользовавшихся родным языком, составляло 1 100 000 – 75% населения Нижней Бретани. По данным 1997 г. в регионе насчитывалось около 240 000 носителей бретонского языка (20% от населения региона), причем большей частью по-бретонски говорили пожилые люди [См. *Sabille 2000*, 25].

Бретонское движение восстановило свои силы только после 1961 г., то есть после принятия известного закона Дексона, по которому бретонскому языку, наряду с некоторыми другими региональными языками, был открыт доступ к школьному образованию (на факультативной основе). Но для Бретани практическая значимость этого закона была небольшой, так как преподаватели не могли получить университетского диплома на право преподавания региональных языков в стране. Но все же, благодаря деятельности активистов, движения за возрождение бретонской культуры продолжается:

В наиболее выгодном положении оказались активисты культурного возрождения, выступающие с требованиями сохранения языка и культуры, опираясь на широко понимаемый принцип прав человека, общепринятый отныне в западном обществе. Преимущество отдается не столько сохранению традиционной культуры, сколько созданию на ее основе современных форм культурной продукции. Успехи этой деятельности весьма впечат-

ляючи вплоть до настоящего времени, однако необходимо отметить, что они не обязательно ведут к культурному национализму [*Дени 2005*].

Борьба за обучение на бретонском языке значительно активизировалась в 80-е гг., когда готовились и бурно обсуждались языковые законы в стране. Тем не менее, в 1981 и 1985 гг. национальный парламент отклонил инициативы бретонцев.

Баскский

Баскский язык распространен в Стране басков (Басконии), которая располагается по обе стороны испано-французской границы. Французская часть ее территория располагается в департаменте Атлантические Пиренеи. Там ее называют также Северной Еускади. Французская Баскония в 10 раз меньше, чем испанская, а проживающих в ней басков (от 80 до 130 тыс. чел.) в 12 раз меньше, чем в Южной Еускади на территории Испании.

Баскский язык считается самым древним языком Западной Европы. Что касается гипотез о происхождении баскского языка, то наиболее распространенной считается та, что утверждает его родство с языками народов Кавказа. Однако, данная теория опровергается отсутствием фактов, доказывающих перемещение баскского народа с Кавказа. Баскский язык считается изолированным, то есть не относящимся к определенной группе языков: ни к группе индоевропейских, ни тем более к романским формам речи. Во французской части Басконии он выступает в качестве субстрата по отношению к французскому языку. Иначе говоря, системы французского и баскского языков по своему происхождению и типу не имеют ничего общего. Тем не менее, баскский язык существует в окружении трех разновидностей романской речи: испанской, гасконской и французской.

Баскский язык обладает богатой системой диалектов (на территории Франции имеется три диалекта: лабурдинский, сулетинский, нижненаваррский; из них наиболее развитым считается лабурдинский). Диалектальная дробность баскского языка связана с фрагментарностью расселения баскского народа, а также с культивированием в его среде различных литературных традиций:

Для баскского языка характерна исключительно высокая диалектальная вариативность: при небольшой территории распространения баскского языка в Испании и во

Франции он характеризуется большим лексическим богатством (полные словари содержат не менее полумиллиона единиц), а количество говоров практически равно количеству поселений [*Лингвистический энциклопедический словарь 1990*, 70].

Несмотря на высокую степень диалектизации, единство баскского языка не подвергается сомнению со стороны специалистов, так как различия между его диалектными разновидностями признаются незначительными [См. *Haritschelhar 1987*, 89].

Кроме того, единство баскского языка поддерживается деятельностью специально созданной для этой цели в 1918 г. Академией баскского языка. В задачу Академии входила разработка грамматических правил баскского языка, уточнение его литературной нормы, инвентаризация лексики, создание единой литературной формы в области лексики, грамматики и графики. Также Академия должна была заниматься расширением сфер использования баскского языка, наблюдением за реализацией языковых прав его носителей, обогащением баскского языка с тем, чтобы он был эффективным средством выражения во всех сферах коммуникации. Считается, что Академия баскского языка в полной мере выполнила свою задачу и сумела создать существующую и сегодня его единую форму – *euskara batua*. Она хорошо принята населением, преподается в школе и широко представлена в средствах массовой информации.

На протяжении столетий зона распространения баскского языка постоянно сокращалась. В то же время из-за экономических трудностей во франкоязычной части Басконии регулярно уменьшалось количество баскского населения: многие французские баски переезжали в Испанию. Как указывает Ж. Сабий, в 1996 г., в северной части Басконии насчитывалось около 60 тыс. баскоговорящих граждан и около 15 тыс. тех, кто пользовался баскским языком пассивно. Эти 75 тыс. человек представляли в то время четверть населения Северной страны басков. В испанской Басконии в 1996 г. насчитывалось около 500 тыс. активных баскоговорящих граждан (450 000 чел. в Басконии и 50 000 чел. в Наварре). Сегодня для многих граждан департамента Атлантические Пиренеи во Франции баскский язык является родным, первым языком. Этим языком в семьях одновременно пользуются люди разных поколений: взрослые и дети, причем дети продолжают, но уже в меньшей степени, чем раньше, осваивать родной язык предков. В 1996 г. здесь насчитывалось 37% баскоговорящих в возрасте от 40 лет и 11% в возрасте до 25 лет [См. *Sabille 2000*, 22 – 23].

Многие из басков являются баско-французскими билингвами. Кроме того, в католической церкви отдельные церемонии проводятся на латинском языке, другие, включая литургические пения, на баскском. В административных делах доминирует французский язык. В коммерции, в банковской деятельности превалирует баскский. В суде широкое применение находит французский язык, но часто судьям приходится прибегать к услугам переводчиков. Наконец, на территории деревень дорожные плакаты часто изготовлены на баскском языке.

Баскский язык, следовательно, имеет широкое применение не только в личной жизни граждан, но и в публичной. Однако во Франции (в отличие от Испании) этот язык официальным статусом не обладает.

В.Г. Гак, тем не менее, замечает:

<...> несмотря на небольшую численность, баски отличаются очень острым национальным самосознанием, чему способствует влияние, исходящее из испанской Басконии, где в настоящее время баскский язык стал официальным языком и переживает период бурного возрождения. В Бильбао созданы баскский университет и Академия баскского языка, разрабатывающие единую наддиалектную форму баскского языка – *euskara batua* *единый баскский язык* [Гак 1986, 114].

На баскском языке сохранились древние тексты, датируемые началом новой эры. Но регулярно баски стали пользоваться письменностью только с XVI в. В то время, в частности на баскский язык было переведено Евангелие. В основном баскская литература развивалась в испанской части, но и на севере Басконии продуктивно развивалась своя литература.

Вследствие широкого применения баскского языка и его тесного контакта с французским языком французская речь во французской Басконии получила довольно специфический облик. Ж. Альерес в местном французском региолекте отмечает, в частности, следующие особенности:

- явное отсутствие оппозиции по открытости / закрытости у гласных [o] / [o] и [ɛ] / [e],
- гласные среднего подъема обычно реализуются открыто.

В морфологии заметны смешения рода имен существительных в связи с отсутствием категории рода в баскском языке.

В региональной лексике имеется много заимствований из баскского языка. Часто в речи на французском языке слышатся целые баскские выражения [См. *Allières 1979*].

Эльзасский

На востоке Франции в Эльзасе и Лотарингии существуют германские формы речи – алеманский и франкский диалекты. Во французской лингвистике под общим наименованием их обычно называют немецким языком Эльзаса и Мозеля, а также региональными языками Эльзаса и Мозеля, совокупностью немецких говоров, эльзасским диалектом, алеманским диалектом, мозельским языком и др. Многообразие этих наименований свидетельствует о сложности языковой ситуации, в которой существуют данные формы речи на этой в общем-то небольшой территории Франции.

Алеманский диалект распространен на большей территории Эльзаса. По своему происхождению он родственен алеманскому языку, сохраняемому сегодня в Швейцарии. [См. подробнее *Клоков 2009*, 59 – 62].

Франкский диалект распространен на крайнем севере Эльзаса и на небольшой территории Лотарингии. Свое начало он ведет от франков, давших свое имя французам, их стране и их языку. В V в. он в период франкских завоеваний территорий Римской империи попал в романизованную Галлию. На этом языке в свое время говорил король франков Хлодвиг; есть мнение, что им пользовался Карл Великий в VIII – IX вв. Судьба языка франков связана с романизацией их носителей на галльской территории и сохранением его в центре Европы, где встречаются четыре европейских государств, а именно:

- в Бельгии: в районе г. Арлона,
- в Германии: (на значительной территории от Нидерландов до границ с Баварией и от Франции до Чехии),
- в Великом Герцогстве Люксембург,
- во Франции: на границе с Люксембургом – на севере Эльзаса и в немецкой части Лотарингии (*la Lorraine Thioise*).

В Бельгии его принято называть люксембургским диалектом франкского языка. Здесь он употребляется наряду с фламандским и французским. В Люксембурге его называют люксембургским языком, так как в этой небольшой стране он представляет собой национальную форму общения и играет важную роль в общественной жизни ее граждан (наряду с французским) [См. подробнее *Клоков 2007*, 57 – 59].

Как было сказано выше, при описании в лингвистической литературе языковой ситуации в Эльзасе и Лотарингии алеманский и франкский диалекты особо не различаются и для их обозначения языковеды используют общее наименование «эльзасский диалект».

Историческое распространение германских форм речи во Франции связано с образованием Восточной Германской империи, в границах которой в Средние века находились территории Эльзаса и Лотарингии. С 1648 г. местные власти старались распространить среди аристократов и буржуа считавшийся в то время достаточно передовым французский язык. В этих же кругах как средство административно-письменного общения и в области судопроизводства широко использовался литературный немецкий язык. Средние и низшие слои общества были отстранены от французского и немецкого языков и говорили только по-алемански или по-франкски.

В 1659 г. герцог люксембургский уступил французским королям свои две небольшие территории. В 1678 г. по Нимегскому договору Франция стала полностью владеть территорией Эльзаса, но город Страсбург стал французским только в 1748 г. Что касается Лотарингии, то на протяжении долгого средневекового периода, она попеременно не раз переходила (полностью или частично) от французских королей к императорам Восточной Германской империи. Окончательно Лотарингия была присоединена к французскому королевству в 1766 г. Отметим однако, что как Эльзас, так и Лотарингия в эпоху Просвещения и до Французской революции сохраняли свою обособленность, и большинство населения данной территории французский язык не знало: им продолжала пользоваться лишь незначительная часть образованных и знатных людей. Только после Французской революции в Эльзасе и Лотарингии начался процесс активной францизации путем введения французского языка в школьное образование [См. *Fehlen 2004*, 40]. Напомним, что основным принципом, которому во времена Революции следовала Французская республика, состоял в использовании французского языка как средство национального сплочения французов, что, естественно, предусматривало запрещение на территории страны всех других языков и диалектов.

В результате поражения французов во Франко-прусской войне Эльзас и Лотарингия с 1871 по 1918 г. были оккупированы Пруссией. В регионе языком административных дел и школьного обучения был объявлен литературный немецкий язык. Образованная часть населения, пользовавшаяся французским языком, покидала города и на их место приезжали немецкоязычные германцы. В быту же среди местно-

го населения, особенно в сельской местности, восстанавливалось общение на франкском диалекте.

В период между двумя мировыми войнами положение вернулось к ситуации до 1871 г., но во времена немецкой оккупации 1940 – 1945 гг. режим германизации был восстановлен, причем в более жестком варианте, чем раньше. На этот раз немецкий язык вытеснил не только французский язык, но и эльзасский диалект.

После освобождения Франции немецкий язык в Эльзасе и Лотарингии был упразднен как язык вражеских оккупантов, а в быту местное население стало отказываться от общения на эльзасском диалекте. Все это происходило на фоне негативных воспоминаний о гитлеровской оккупации, травмировавшей население региона, и начавшейся в послевоенный период урбанизации, в результате которой сельские жители в массовом порядке покидали села и переселялись в города [См. *Hartweg 1987*, 39]. Передача немецкого языка молодому поколению значительно сократилась. Сегодня, однако, жители Эльзаса и Лотарингии считаются трилингвами, так как могут разговаривать по-немецки, по-французски и по-эльзасски.

В Эльзасе в послевоенное время количество франкоговорящих граждан стало расти (с 5% в 1945 г. до 25% в 1979 г.). Те, кто пользовались французским языком, знали его слабо, в их устном общении проявлялась бедность словарного запаса, отсутствие навыков владения регистровым многообразием французской речи и т.п. В произношении отмечался особый эльзасский акцент, сказывавшийся во влиянии на французский язык франкского субстрата. В частности, французская фонологическая оппозиция между звонкими и глухими согласными заменялась оппозицией «глухая придыхательная / звонкая придыхательная». Характерными были также место ударения в словах и фразовые ударения. В лексике было много заимствований из франкского и немецкого языков. В настоящее время количество такого рода эльзасцизмов сокращается и в региональном варианте французского языка все шире распространяются общевосточные регионализмы Франции [См. *Hartweg 1987*, 42 – 43].

Эльзасский диалект во Франции (как, впрочем, и на других территориях своего распространения) предстает в форме группы поддиалектов. При этом общерегиональная эльзасская форма речи так и не образовалась. Между эльзасским диалектом и французским языком существует несбалансированная диглоссия: эльзасская речь находится в функциональной недостаточности, так как ее пользователи в публичном и бытовом общении широко используют французский язык. На данном этапе среди эльзасцев распространено характерное для них пе-

реключение кодов, то есть частый переход с одной формы речи на другую. Кроме того, в общении на эльзасском диалекте частыми являются вкрапления отдельных слов французского языка.

Как и эльзасский диалект, немецкий язык в Эльзасе также не исчез полностью, хотя использование его резко сократилось, а качество ухудшилось. Богатая литература на немецком языке, широко развивавшаяся на протяжении нескольких веков в Эльзасе, пришла в упадок.

Как утверждает Ж. Сабий, по данным опросов, проведенным в 1997 г., 62% эльзасцев заявили, что владеют немецким языком, но эти данные кажутся автору значительно преувеличенными. Что же касается владения эльзасским диалектом, то в то же время 63% заявили, что пользуются им, при этом среди них 86% было людей старше 60 лет.

Употребление эльзасского диалекта и немецкого языка в этой части Франции представлено следующим образом В.Г. Гаком:

Диалект не имеет статуса средства публичного общения, он остается основным средством бытового общения, причем все чаще используется на телевидении, в театре, на радио; популярные шансонье поют на диалекте. В Страсбурге имеется Центр изучения эльзасского диалекта.

Немецкий литературный язык применяется в администрации, в средствах массовой информации. Правительственные постановления и обращения в избирательные кампании публикуются на двух языках: французском и немецком. Причем в немецком варианте не должно быть ничего, чего нет во французском (обратное – необязательно) – это рассматривается как мера против возможных сепаратистских настроений [Гак 1986, 118].

В Лотарингии эльзасский диалект принято называть платтом (*platt*). Платт считается родным языком всех французов, проживающих в районе лотарингского города Тионвилля. Кроме того, лотарингцы продолжают пользоваться немецким языком, но в школе основательно изучают французский язык и по праву гражданства считают себя французами, то есть франкофонами. Знание эльзасского диалекта помогает им общаться с немцами соседней Германии, также пользующимися этой формой диалектной речи. Как замечают М. Риспай и М.Л. Моро, потеря эльзасского диалекта в этом регионе влечет за собой потерю немецкого языка, а это в скором будущем неминуемо при-

ведет к переходу от лотарингского трилингвизма к французскому монолингвизму [См. *Rispail, Moreau 2004*, 49].

Лотарингия всегда была сельским регионом, и на ее территории не было создано письменной франкской традиции. Местный фольклор носит исключительно устный характер, и франкские песни, сказки, легенды сохраняют древнюю традицию, от которой лотарингцы не хотят полностью отказываться. В Лотарингии фактор культуры является основой для поддержания и дальнейшего существования франкского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А. Введение в романскую филологию. Учебник. М., 1987.

Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // *Вопр. яз. М.*, 1982. № 5 (Электронный ресурс).

Гак В.Г. Введение во французскую филологию. М., 1986.

Дени М. Бретонское политическое движение. Исторический обзор // Диалоги об идентичности и мультикультурализме. Материалы 11 Ежегодного семинара Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Ренн, 2005. Пер. с франц. /http://eawarn.ru/pub/Pubs/DialogueMulticulturalism/07_Michel_Denis.htm

Доза А. История французского языка. М., 1956.

Клоков В.Т. Французский язык в Бельгии. Саратов, 2007.

Клоков В.Т. Французский язык в Швейцарии. Саратов, 2009.

Ле Коадик Р. Бретонские контрасты // Диалоги об идентичности и мультикультурализме. Материалы 11 Ежегодного семинара Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Ренн, 2005. Пер. с франц. http://eawarn.ru/pub/Pubs/DialogueMulticulturalism/08_Ronan1.htm

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Сидоров А.А. Региональная лексика французского языка: происхождение, статус, функционирование и перспективы существования в региолектах и общенациональной языковой системе /Дис. ... канд. фил. наук, Волгоград, 2008.

Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006.

- Шигаревская Н.А.* История французского языка (на фр. яз.). М., 1984.
- Actes du colloque « Les français régionaux». Québec, 21 au 25 octobre 1979
/www.cslf.gouv. qc.ca/ Publications/PuD109/D109.html
- Allières J.* Les français régionaux en France // Actes du colloque « Les français régionaux». Québec, 21 au 25 octobre 1979 /www.cslf.gouv. qc.ca/ Publications/PuD109/D109-6.html
- Baggioni D.* Eléments pour une histoire de la francophonie (idéologie, mouvements, institutions) // Le français dans l'espace francophone: in 2 vol. P., 1996. T. 2.
- Bernardo D.* Le catalan. La problématique nord-catalane //Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Tome premier. Langues régionales et langues non territoriales. P., 1987.
- Calvet L.-J.* La guerre des langues et les politiques linguistiques. P. 1987.
- Cerquiglini B.* H'éritage du passé: au XXe siècle, un nouveau marché des langues //L'avenir du français. P., 2008.
- Dauzat A.* Les patois. P., 1927.
- Denez P.* La langue bretonne. Mémoire de la répression //Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Tome premier. Langues régionales et langues non territoriales. P., 1987.
- Désirat H., Hordé T.* La langue française au XX-e siècle. P., 1976.
- Fehlen F.* Le «francique»: dialecte, langue régionale, langues nationale? //Glottopol. 2004, № 4. Langues de frontières et frontières de langues.
- Haritschelhar J.* Le basque. Une langue résistante //Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Tome premier. Langues régionales et langues non territoriales. P., 1987.
- Hartweg F.* L'alsacien. Un dialecte allemand tabou //Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Tome premier. Langues régiona
- Knecht P.* La Suisse romande //La Suisse aux quatre langues. Zoé, 1985.
- Les langues nationales inscrites dans la Constitution /Le Figaro, 22 mai 2008.
- Muller B.* Le français d'aujourd'hui. P., 1985.
- Poirier Cl.* Le français «régional», méthodologie et terminologie // Français du Canada, français de France: Actes du Colloque de Treves du 26 au 28 septembre 1985. Tübingen, 1987.
- Poirier Cl.* Les variantes topolectales du lexique français. Propositions de classement à partir d'exemples québécois // Actualité scientifique. Le régionalisme lexical. Louvain-la-Neuve, 1995.
- Rispail M., Moreau M.-L.* Francique et français: l'identification des accents de part et d'autre des frontières //Glottopol. 2004, № 4. Langues de frontières et frontières de langues.
- Sabille J.* Les langues régionales. P., 2000.

- Sansen J.* Le flamand. Une langue-frontière //Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Tome premier. Langues régionales et langues non territoriales. P., 1987.
- Sauzet P.* L'occitan. Langue immolée //Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Tome premier. Langues régionales et langues non territoriales. P., 1987.
- Stich D.* Parlons franco-provençal. Une langue moderne. P., 1998.
- Straka G.* Les français régionaux: exposé général // Actes du colloque « Les français régionaux». Québec, 21 au 25 octobre 1979 /www.cslf.gouv.qc.ca/ Publications/PubD109/D109-2.html
- Tiers J.* Le corse. L'insularité d'une langue //Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Tome premier. Langues régionales et langues non territoriales. P., 1987.
- Trésor de langue française informatisé / CD. P., CNRS Editions; ATILF : Université de Nancy-2, 2004
- Trouille J.-M.* Néerlandais et français: le bras de fer linguistique? // France-Belgique: des frères-ennemis de la langue de chez nous? Québec, 2000.
- Tuailion G.* Le franco-provençal. Langue oubliée //Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Tome premier. Langues régionales et langues non territoriales. P., 1987a.
- Tuailion G.* Le français régional. Formes de rencontre //Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. Tome premier. Langues régionales et langues non territoriales. P., 1987b.
- Wolf L.* Le français régional. Essai d'une définition // Travaux de linguistique et de littérature. Université de Strasbourg, 1972. T. X, 1.